
18+

Владимир Шубняков

Тайна последнего командора

«Автор»
2020

Шубняков В. А.

Тайна последнего командора / В. А. Шубняков — «Автор», 2020

Книга переносит читателя во времена расцвета средневековья. Удивительные испытания и приключения двух рыцарей - легендарного командора ордена тамплиеров и его друга, которые пытаются спасти сокровища ордена от захвата их французским королем Филиппом IV . Через много лет о тайнике странным образом узнают наши современники, которых ждут не менее удивительные приключения. Книга основана на реальных событиях.

© Шубняков В. А., 2020
© Автор, 2020

Владимир Шубняков
Тайна последнего командора

«Умереть не страшно, страшно умирать»

1 ЧАСТЬ.

– 1 -

Петр Сергеевич сидел на веранде своего собственного домика, расположенного на берегу Черного моря, в живописном местечке недалеко от Гурзуфа. Он приобрел его сразу после того, как провозгласили, что «Крым – наш» и теперь он часто приезжал сюда из промозглого Питера, чтобы погреться на ласковом солнышке и подышать морским воздухом. Глядя на бескрайнюю водную гладь, ему вспоминалась его суетная жизнь, которая, как и у всех других людей, состояла из череды случайных событий, которые невозможно спрогнозировать, но необходимо их кому-то пережить, а кому-то преодолеть и постараться это сделать с выгодой для себя.

Первые шестнадцать лет его фамилия была – Рылов, Петя Рылов. В школе его дразнили «Рылом» и ему это очень не нравилось. Учась в младших классах, он не один раз, забившись в какой – нибудь угол, из-за этого украдкой плакал. Когда стал постарше, девчонки хоть и обращали на него внимание, но встречаться с «Рылом» никто из них не осмеливался. Засмеют однокашники. Он же не понимал, как это его мать, с фамилией Малета могла выйти замуж и сменить свою фамилию на Рылову. Видимо она очень любила его отца или боялась неудобств, связанных с неодинаковыми фамилиями супругов в Советском государстве. Так, наверное, и согласилась на эту убогую фамилию из-за страха социалистической действительности.

Когда пришло время получать паспорт, Пете со скандалом, но все же, удалось взять девичью фамилию матери. Он стал – Петром Сергеевичем Малетой, и ему очень нравилась его «новая» фамилия. В ней чувствовалось что-то французское, изысканное, даже, по его мнению, отдавало каким-то аристократизмом. С этим чувством он и пошел далее по жизни. У него вроде бы даже рост увеличился, и как-то расправились плечи. Окончив школу, стал замечать, что на него откровенно зазывающее стали смотреть молоденькие девушки, а узнав его фамилию, больше не шарахались от него, как от зачумленного. Вот ведь, кажется ерунда, всего-то фамилия, а какая разница, какое разное отношение к людям. В общем, юный Петр в это время смог вполне оценить правильность поговорки: «Как корабль назовешь, так он и поплывет».

Дальнейшая судьба, послешкольная, была определена заранее. Отец безапелляционно сказал:

– Дальнейшая дорога твоя, сынок, лежит в Питерский госуниверситет, благо твоя старшая сестра Аня уже проторила туда дорожку, да и мои связи позволяют с уверенностью сказать, что задача твоего поступления в этот ВУЗ может быть решена положительно.

Вот так витьевато отцом была сформулирована Петина жизнь на ближайшие пять лет. Он, правда, не возмущался и не спорил, так как и сам хотел учиться в «Анькином» универе, уж больно красочно она описывала тот год учебы, который она там провела. Так что Петр не мог дождаться, когда же он сможет назваться гордым именем «студента».

В Университет действительно поступил довольно легко, хотя в школе он был лишь твердым «хорошистом», по-видимому, связи отца сыграли решающую роль. В шкуре студента понемногу освоился, правда часто возникала путаница, но она имела четкий акцент в пользу Петра. Учась вместе со старшей сестрой (они были погодками) в одном ВУЗе, незнающие люди удивлялись их родству, иногда с нескрываемым подозрением – как это Петр Малета может быть родным братом Анны Рыловой. Что тут общего? Может они хотят скрыть свои амурные взаимоотношения? Вот и дурят людям голову. Тем более оба были довольно-таки миловидными, а Аню можно было бы даже без особой натяжки, назвать красавицей.

– Петька, ты мне всю судьбу поломаешь,– говорила она,– я из-за тебя точно замуж не выйду, все ведь думают, что ты мой ухажер.

– Ничего, время придет, выйдешь, еще будешь жалеть, что выскочила так рано, – философствовал ей в ответ Петр.

Оказалось, как в воду глядел, не прошло и года, как справили свадьбу Ани и ее давнего поклонника и, как оказалось, возлюбленного – Витьки Маврина. Прошел еще год, и как-то незапланировано, без особых церемоний, женился и Петр на своей однокурснице – Светке. Правда и они сами и их родственники восприняли этот брак не очень серьезно, как детскую забаву. Мол, хотят – пусть попробуют, пусть поиграют дома во взрослую жизнь, чем по подворотням шариться. А между тем студенческие годы пролетают так быстро, так что, не успев еще насладиться всеми прелестями этой студенческой жизни, обнаруживаешь, что она уже закончилась и надо идти дальше. А для Петра получилось дальше – это в Армию. Ну, в Армию, такт в Армию. Да и полтора года – не срок. Будучи еще при некоторой власти, отец договорился, чтобы Петр проходил службу недалеко от дома, в соседней области, женатый все-таки человек. На призывной пункт Петра пришли провожать все – жена Светлана, сестра с мужем, отец с матерью и целый «взвод» друзей. Вечером дома отпраздновали «как надо» проводы, а утром закрылись за Петей ворота призывного пункта. Там внутри почти все призывники оказались в состоянии приличного подпития, вроде бы как праздник большой – в Армию идем!

– А ты пацан, что ли трезвый совсем,– спросил Петра какой-то странный юноша с копной необычайно желтых волос на голове,– я Серега Ж-ж-желтов, а тебя как звать и давай будем знакомы и … друж-жить начинать… буд-дем…

– Давай дружить. А звать меня Петром,– откликнулся чуть оторопевший Петр.

– Петрух-ха, значит…ик. А меня почему-то все «Желтком» кличут. Почему? В толк не возьму.

– Действительно странно, почему?– съехидничал Петр.

– Ладно. Я тут все узнал…ик. Команда наша состоит из двадцати пяти человек-к. Ехать мы должны были к-куда-то на псовщину. Ой!… ик… на псковщину. М-да! В какую-то лесную глушь. Но вот, незадача, приехал оттудова «купец»…ик,– произнес Желток и стал клониться ко сну, смежив веки. Петр похлопал новоявленного защитника Родины по плечу, не давая ему уснуть:

– Откудова оттудова? И какой такой «купец»? – попытался уточнить Петя.

– Ну ты и темнота нестроевая, оттудова – это из глуши этой пскопской, а купец – это че-человек военный, который нас всех туда должен был сор…пр…водить, в обч-чем отвести. Вот! Ну, ты всосал? Али – нет?

– А почему должен? Он что не собирается нас сопровождать?

– В том-то и закавыка,– пояснил Желток, вроде бы уже начавший трезветь,– что ему надо не двадцать пять солдат, а только двадцать. Понял какой коленкор?

– Ну и…

– Ну и наш местный, здешний командарм сказал, что всех иногородних отправляют с купцом, а местных и сильно пьяных оставляют для допр-рстр-, о блин,– допр-распр-тр, о блин, -пределение. Ух! А пойти узнать у ком-мандарма местного кого – куда отправляют никто не в состоянии. То бишь, не может никто. Ущучил, братан?

– Почему не могут? – спросил Петр.

– Как говорится: «Все пушки пьяны, а хлопцы – заражены». Ходить как-то все разучились. Одна надежда на тебя, брат Петруха, как на самого трезвого марксиста. Понял теперь?

– Понял. А командарма этого, твоего – где искать?

– А в …ш-штабе. А штаб каждый знает, кого ты спросишь,– пролепетал Желтов.

– Ладно, узнаю – что и почему. И тебе расскажу. Я пошел.

– Не расскажу, а долож-жу. Мы же …ик… Родину защищаем…ок…ик,– произнес коллега по оружию Петра и издал еще какие-то непонятные звуки, которые удалявшийся Петр уже не расслышал.

Петя быстро нашел адекватных офицеров, которые распоряжались на призывном пункте и выяснил, что действительно «команда», к которой он был приписан, сокращена до двадцати человек, в связи с отсутствием надобности в псковских лесах большого количества вооруженных людей. А учитывая объявленную тогдашним правительством страны политику «разрядки напряженности» капитан, разъяснявший Петру эту политику, предложил рядовому Малете проследовать домой, в связи с тем, что сегодня пятница, а по субботам и по воскресеньям призывной пункт в Армию никого не отправляет из-за выходных дней.

– Мы, военные – тоже люди! – зачем-то в конце добавил капитан.

В конце концов, Петр выяснил, что пять человек из «команды» к которой он был приписан, могут получить военные билеты и идти домой, но они должны явиться в понедельник в областной военкомат с указанным военным билетом и вещами. Еще ему объяснили, что, так как все они имеют военные билеты, они с сегодняшнего дня служат в Советской Армии, так что, если в понедельник не придут в военкомат – то значит дезертиры, и… в тюрьму.

– Все понятно?– уточнил капитан.

– Все понятно. Непонятно только, где мне взять военный билет и кто еще те четверо счастливчиков, которым, как и мне можно идти домой. Впрочем, я одного из них знаю.

– Ну, тогда идите в штаб и получите ваши военные билеты и валите отсюда, то есть из Советской Армии до понедельника.

– Есть! Товарищ капитан!– отрапортовал рядовой Малета и пошел искать штаб, в котором выдают военные билеты.

Наскоро опросив местных старожилов, он нашел временную «строевую часть» и попросил сидевшего за столом сержанта выдать ему военные билеты Малеты и Желтова. Без лишних проволочек со стороны сержанта, Петр расписался в каком-то журнале за обоих новоявленных бойцов за Родину и получил новенькие красные книжечки – военные билеты рядового состава. Затем нашел уже порядком протрезвевшего Серегу, и они вместе двинули из призывного пункта по домам. По пути договорились, что встретятся около областного военкомата в понедельник в десять часов утра. Пожав новому товарищу руку, Петр остался один. Он решил не предупреждать о своем возвращении домашних, а сделать им, и в особенности Светке, маленький сюрприз.

Добравшись до дома, позвонил в квартиру, дверь открыл Виктор, Анькин муж. Был он прилично навеселе, поэтому увидев Петра, не удивился, а с упреком сказал:

– Ну, где ты, Петруха, шляешься столько времени. Светка твоя вон всю воду из себя через глаза вылила, ревет как белуга – тебя толи потеряла, толи уже похоронила. Иди сам разбирайся.

– Оба-на! – отреагировал Петр,– а ничего, что я вроде бы как уже к Пскову подъезжаю…

– Ой! Правда. Ты как это здесь оказался? Ты же Родину сейчас должен, вроде бы, защищать. А ты тут…– обалдел, наконец, осознавший действительность Витька и визгливо закричал,– люди! Аня! Идите сюда, тут призрак непобедимого солдата нарисовался.

В прихожую вышли Анна и отец – Сергей Федорович, почему-то в костюме и при галстуке, но было заметно, что и он принимал посильное участие в праздничном застолье, продолжая провожать отсутствующего сына в Армию.

– Что случилось?– испугался он,– тебя что, из Армии прогнали? Ты как здесь? Или что – дезертировал!

– Да успокойтесь вы, все нормально. Просто перенесли мою службу на понедельник, мест у них там не хватает. Разрядка же. Что вы, забыли? А Светка-то где?

– Да рыдает она там, в вашей комнате, все причитает – а вдруг она тебя больше не увидит, а вдруг тебя там убьют враги какие-нибудь. В общем, иди, прекращай истерику и давай за стол

– дальше будем тебя провожать,– с заметной радостью возможности продолжения банкета, провозгласил отец.

Петр тихонько приоткрыл дверь в их со Светой комнату. Она действительно, поджав ноги, сидела в кресле и всхлипывала, прижимая к лицу махровое полотенце.

– Светик, чего плачем? Кого хороним?– произнес стандартную для такого случая фразу Петр.

– А… Как не плакать, Петьку в Армию забрали, а вдруг его там убьют,– по инерции, не глядя на спрашивающего и не отрывая полотенца от лица, ответила Света.

Тут у нее в мозгу соединились временные связи, она поняла, что говорит с ней хороним-мый ею муж. Она с недоверием покосилась в сторону Петра, потом поняв, что это не призрак, а действительно он, заорала что-то нечленораздельное, вскочила с кресла, в мгновение запрыгнула на Петра, обхватив его шею руками, а поясницу ногами и даже не заплакала, а завыла и опять залилась слезами. Она стала его обцеловывать и всего обслюнявила и обмочила своими слезами. Ну и конечно ни за какой стол они не пошли, а вышли из своей комнаты только на следующий день, в субботу, часам к одиннадцати утра.

Субботу и воскресенье, два этих теплых июньских дня, молодые супруги провели вместе, чередуя прогулки по Ленинграду и купание в Финском заливе с частыми заходами в спальню. В общем, неожиданный армейский отпуск доставил Петру и Свете огромное удовольствие и наслаждение. Весь окружающий мир, все люди, включая родню, куда-то исчезли на эти два дня, а остались только они вдвоем и их любовь. Но все хорошее всегда очень быстро заканчивается, закончились и эти два счастливых дня. Утром, в понедельник, Петр собрал вещи, но уже как опытный солдат, побывавший на призывном пункте. Только самое необходимое. Поцеловал на прощание снова рыдающую Светку, и сказав сакраментальную фразу: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди…», двинул в областной военкомат.

На крыльце военкомата его уже поджидал Серега Желтов. Он так же был налегке, с небольшим рюкзачком. Они как старые приятели поприветствовали друг друга, и оказалось, что трезвый Желток вполне интеллектуально развитый и симпатичный парень, окончивший институт Лесгафта и имевший вполне спортивный вид, соответствовавший выпускнику физ-института. То, что он был физически развит гораздо лучше Петра, сразу бросалось в глаза, когда они стояли рядом. Они были примерно одного роста, но Петр выглядел каким-то рыхлым интеллигентом с небольшими ранними залысинами, а Желток был крепким атлетом, не качком, но с весьма красивым мышечным рельефом, проступавшим через легкую летнюю одежку.

– Ты каким спортом-то занимался в своем инфискульте? – поинтересовался, глядя на него, Малета.

– Чайник я,– ответил Серега, чем слегка удивил Петра. – Ну, лыжников у нас в ВУЗе так называют, понял?

– А я-то подумал, что ты начинающий спортсмен,– не без ехидства отреагировал друг.– Ну что, пойдем сдаваться?

– Пойдем!

Они смело открыли дверь военкомата и обратились к сидевщему за стеклом старлею, просунув в окошко головы:

– Мы в Армию пришли. Забирайте нас!

– Ребята, вы ничего не путаете, у меня на счет вас нет никаких распоряжений, а впрочем, понимаю вашу шутку юмора. Поднимайтесь в зал на третий этаж, там все такие же весельчаки, как вы. Они вас только и ждут.

Новобранцы без лишних вопросов поднялись на третий этаж военкомата, нашли актовый зал, который был действительно заполнен почти на треть молодыми ребятами. Сергей с Петром сели на свободные места в конце зала и стали ждать того, кто им объяснит их дальнейшие действия. Минут через десять в зал вошел довольно зрелый военный в звании майора. Весь зал

по – школьному встал поприветствовать «преподавателя». Тот спокойно поздоровался, сказал: «Садитесь» и, не мешкая, по-военному, стал отдавать команды:

– Достаем листки бумаги или тетради и записываем перечень документов, которые нужны для поступления в военное училище.

Причем он даже не сказал, в какое военное училище, видимо все, кроме Сергея и Петра, это и так знали. Минут десять послушав разъяснения майора насчет учебы в этом училище, Сергей поднял руку и по кивку майора, встал и задал вопрос:

– Товарищ майор, мы с другом пришли в Армию наниматься, на фига нам какое-то военное училище, если мы с ним по нормальному институту уже закончили. Где нам в армии-то служить? Кто-нибудь нам объяснит?

Майор не сразу понял что происходит, но по преподавательски присек начавшиеся было в зале смешки, а сообразив, что эти два переростка попали сюда случайно, сказал им:

– Ребята, спускайтесь на первый этаж к дежурному, а я сейчас ему позвоню по внутренней связи.

– Есть! Товарищ майор, – попытался хохмить Серега и они с Петром снова отправились к дежурному по военкомату.

Старлей встретил их уже с некоторой опаской, видимо получил от старшего по званию втык за нерадивость и осознал, что ребята не шутят, а действительно пришли для прохождения службы. Осложнялось же все еще тем, что последний июньский день был еще и последним днем призыва, в соответствии с приказом Министра обороны СССР. И чего с ними делать, распоряжений-то по этому поводу, действительно, не было никаких.

– А военные билеты ваши где?– спросил, наконец, дежурный.

– У нас на руках. Мы так понимаем, что служба наша уже идет четвертый день, военные билеты-то нам дали еще в пятницу,– отреагировал Петр.

И тут старшему лейтенанту в голову пришло соломоново решение в духе Советской армии.

– Мужики! Сейчас уже двенадцатый час. Идите-ка вы перекусите и приходите сюда часам к четырнадцати, а я за это время определюсь, что с вами делать. Позвоню там туда-сюда, все выясню. Ферштейн?

– Ферштейн, то есть, есть! Товарищ командир! Будем обедать до четырнадцати ноль-ноль,– по-солдатски четко отчеканил Желток, не сообразив в чем тут дело.

Выйдя из военкомата, Желток предложил:

– Начальство порекомендовало отобедать, а время для обеда раннее, а вот пивка дернуть я бы не отказался по случаю жаркого лета.

– Ты чего? А запах, как вернемся, неудобно, еще на губу посадят, мы же все-таки в Армии служим,– возразил Петр.

– Темный ты солдат, Малета. Кстати, а почему у тебя такая фамилия странная – Малета. Как это тебя угораздило ее подцепить?

– Почему это, странная? Отличная французская фамилия,– возмутился Петр.

– Ну, насчет французской я не знаю, а по-испански «малета» – это «чемодан», так что если ты не будешь следовать моим умным идеям, рискуешь на весь срок службы обзавестись кликухой «Чемодан».

– Во, блин! Ты это правда, про испанский перевод? Вот, не было печали – жил как д`Артаньян, нет угораздило тебя встретить,– чуть не плача пролепетал Петя.

– Да ладно, Петруха, не дрейфь – это я пошутил насчет кликухи, я никому не скажу, а то, что «малета» – это «чемодан» по-испански – так это сто процентов. В общем, идем пить пиво и перекусывать, как нам приказали. А на губу нас точно не посадят, мы еще присягу не принимали. Да, кстати ты, только, не падай в обморок, но слово «чемодан» в испанском языке

еще и женского рода. Вот это я тебя пригвоздил! Ладно, не обижайся, шучу я! За то, видишь, как полезно иностранные языки знать? Можно пиво пить – когда захочешь.

Как было условлено ровно в 14-00 молодые воины, слегка навеселе, но точно в срок вновь явились в военкомат. К их удивлению, на месте старлея сидел совершенно другой военный в звании капитана.

– Товарищ капитан, а как нам найти старшего лейтенанта, который на вашем месте с утра руководил здешней армией? Нам был от него приказ явиться, отобедав к 14-00. Так мы явились,– слегка просунувшись в окошко, доложил Серега.

– Кто это такие – мы? И зачем вам кто-то приказал являться сюда к 14-00. А если вы ищете старшего лейтенанта Полякова, который был дежурным в первой половине дня, так он час назад сменился. Смена его закончилась, понятно? – пояснил капитан.

– Вот же умник! Опять обманул, гусар бородинский! – выпалил Серега.

– А вы что военкомат с баром перепутали, что ли?– спросил возмущенный капитан.

Тут уже Петру, как наиболее интеллектуально развитому красноармейцу из госуниверситета пришлось по-новой объяснять капитану всю сложившуюся ситуацию. Капитан оказался, к большому удивлению ребят, на редкость понятливым и ответственно-деловым военным. Он, изучив всю предварительную диспозицию данного дела, предложил молодым бойцам присесть на кушетку в холле военкомата, а сам куда-то беспрерывно звонил по двум телефонам, которые краснели у него на столе. Где-то, минут через сорок – пятьдесят он жестом пригласил бойцов подойти к нему и дал новую вводную:

– Сейчас выходите из военкомата и садитесь на троллейбус, идущий в сторону от центра. Через три остановки выходите и идете прямо по улице, перпендикулярной троллейбусной линии. Пройдя метров триста, с левой стороны увидите ворота с большими красными звездами и КПП рядом с ними. На этом КПП вас будут ждать. Все понятно?

– Все понятно, товарищ капитан. Разрешите выполнять?– комично вытянулся в струнку Серега.

– Выполняйте! Только сейчас прямо на КПП, никуда не заходя, О`Кей?

– О`Кей!– ответил Петр и ребята двинули по указанному им адресу. Едва выйдя из военкомата, Петр услышал, что его кто-то зовет по имени. Повернув голову на звук, он увидел водителя отцовской служебной машины Вадика, а рядом стояла собственно и сама эта служебная «Волга», ощетинившись от окружающего мира номером с тремя нулями.

– Петь, меня твой отец послал, с заданием. Узнать куда тебя отправят. Я тут с утра дожидаюсь, думал уже все, упустил тебя. Прощай почетная должность.

Петр объяснил Вадику, куда им с товарищем нужно явиться и тот сразу понял, куда надо ехать:

– Это штаб Армии местной, знаю я, где это! Не часто, но приходилось заезжать в те края.

Все трое сели в номенклатурную «Волгу» и помчались к предполагаемому месту службы рядовых Малеты и Желтова. В машине Вадик передал Пете пакет:

– Это тебе родители передали пирожков домашних с капустой, а то, говорили, будет голодный целый день.

Парни набросились на пирожки, не забыли угостить и Вадика. Не успев доесть по второму пирогу, прибыли на место. Около КПП их ждал какой-то полковник. Молодые воины вышли из машины, дожевывая пироги, подошли к полковнику. Тот жестким тоном спросил:

– Вы, что ли, Желтков и Мулето?

– Не Желтков, а Желтов и не Мулето, а Малета!– поправил его Серега.

– Ну, тогда заходите на КПП, умники.

– Сейчас доедим пирожки и зайдем,– немного обидевшись за исковерканные фамилии, ответил Сергей.

Полковник заметно разозлился, так как лицо его заметно покраснело, не ожидал от «салаг» такой наглости. Ребята, дожевав свои пироги, открыли дверь на КПП, там их встретил сержант – срочник. Браво отдав честь полковнику, он неразборчиво что-то отрапортовал. Серега все еще на кураже разразился аплодисментами. Тут полковник не выдержал, и как гаркнет:

– Я вам покажу, что такое Советская Армия, вы у меня карантин на всю жизнь запомните, заикаться начнете.

Далее последовала череда таких изысканных матерных выражений, о существовании которых наши новобранцы в своих университетах и институтах даже не подозревали. Петя и Сергей от неожиданной тирады и веского слова «карантин», которым их пытались напугать, бухнулись на скамейку.

– Да мы чего…, мы ничего…, мы готовы…, мы за Родину…– пролепетал ошарашенный Серега и весь как-то сжался.

Прошло уже около часа с момента прибытия на КПП, полковник продолжал нервничать, но было заметно, что уже не по поводу неуставного поведения «салаг», а по какой-то другой причине.

– Если курите, можете выйти из КПП покурить, я тоже пойду,– неожиданно мягко предложил полковник.

Выйдя на улицу, все трое снова увидели Вадика, который до этого момента специально не «светился». Сейчас же, он подогнал «Волгу» к КПП, так, чтобы было видно номер машины, и обратился к полковнику:

– Товарищ полковник, я вижу, что у Вас возникла проблема с транспортом, а я мог бы, учитывая сложившуюся ситуацию, доставить Вас по указанному Вами адресу.

Полковник, явно шокированный таким не по-военному вежливым обращением, да еще увидев «Волгу» с таким количеством нулей, представился и неожиданно для себя, вежливо произнес:

– Меня зовут полковник Воронов, я благодарю Вас за предложенную помощь, но мне необходимо доставить еще этих двух охламонов для прохождения службы в учебную часть.

– Я готов отвести их вместе с Вами и потом доставить Вас по указанному Вами адресу,– по-армейски четко повторил свое предложение Вадик.

– Хорошо, спасибо, если через пятнадцать минут не подъедет мой УАЗик, я с удовольствием воспользуюсь Вашим предложением,– заключил полковник Воронов.

Прошло еще двадцать минут в беспрерывных звонках с КПП то полковника, то сержанта в автопарк какой-то военной части. То не работал трамблер на УАЗике, то потерялся начальник автопарка, чтобы отпустить горючее, то выяснилось, что спустило колесо из-за чрезмерной «лысости» и «опрелости» резины, как сказал по телефону нашедшийся, наконец, начальник автопарка. В конце – концов, все кончилось тем, что Серега с Петром устроились на заднем сиденье отцовской черной «Волги», а полковник Воронов с определенной гордостью восседал на переднем сиденье обкомовской автомашины. Он назвал Вадику адрес части, куда нужно отвести «салаг», что и было необходимо для достижения успеха разведывательной миссии Вадика. Располагалась эта воинская часть недалеко от Павловска. Вадик деловито включил фары и хитрую мигалку, замаскированную за решеткой радиатора и на крейсерской правительственной скорости, помчался по центру дороги к месту службы Петра и Сереги. Полковника переполняла гордость за его начальственный вид, и он вальяжно кивал в ответ отдающим честь встречающимся на пути милиционерам – гаишникам. Быстро домчав до указанной воинской части, «Волга» неожиданно подкатила к самым воротам этой части, и Вадик троекратно нажал на клавишу клаксона. Раздался умопомрачительно – нестандартный звук сирены страшной силы, плод самодеятельной фантазии Вадика. Из КПП опрометью выскочил дежуривший в наряде солдат, ошарашено вытаращил глаза, увидев страшно гудящую черную «Волгу»

с нулями на номере, а подняв глаза немного выше, чуть не потерял сознание, увидев на переднем сиденье человека и три большие полковничьи звезды на его погонах. Он резко кинулся к воротам и за какое-то мгновение ворота уже были нараспашку. «Волга» рванула с места и с обкомовской быстротой влетела на плац, где как раз в это время проводился вечерний развод части. Вся военная часть повзводно выстроилась во фрунт. Из окон машины были видны четкие людские квадратики взводов, а напротив них стояло в одну шеренгу все командование части в количестве четырех человек. В этот торжественный момент на середину плаца и выехала номенклатурная «Волга», причем, все произошло так быстро, что полковник Воронов не успел даже ничего сказать и остановить этот неуставной «бардак». «Волга» быстро, но плавно подкатила к командованию части и остановилась как раз в центре плаца. К передней двери машины подскочил обалдевший начальник штаба части, майор Вошекат и раболепно, с поклоном открыл полковнику дверь. В сложившейся ситуации покрасневшему, как рак, полковнику Воронову ничего не оставалось делать, как выйти из машины на плац. Раздалась резкая гортанная команда «Смирно, равнение на середину» и к полковнику подобием строевого шага с качающимся пивным животом направился командир части подполковник Лебедев для отдачи рапорта так эффектно прибывшему начальству. И вот в это время открылись задние двери «Волги» и оттуда вывалились два гражданских пацана, встали как зрители на параде, засунув руки в карманы, и тут Серега неожиданно выкрикнул:

– Здравствуйте, товарищи бойцы!

В этот момент над плацем повисла зловещая тишина, подполковник осекся и прервал свой рапорт, полковник Воронов как- то неловко дернулся в сторону машины и ребят, как будто хотел сбежать от стыда, его фуражка слетела и покатилась по плацу, подгоняемая ветром. Командир части побежал ее ловить. Вид пузатого подполковника с растопыренными руками напомнил всем, как пьяные мужики в деревне пытаются поймать убегающую курицу. И в этот момент плац огласил оглушительный хохот более чем трехсот солдат и сержантов. В общем, такого конфуза эта часть не видела со времени ее создания. Воронов скомандовал Петру и Сереге:

– Вы, двое, за мной! А ты, Ники Лауда – вон отсюда и как можешь быстро!

«Волга» Вадика чинно развернулась, и проехав через КПП, помчалась докладывать Петиному отцу в какую часть он был определен на ближайшее время. Полковник же привел ребят в «Строевую часть», где находились солдат – писарь и прапорщик, который получил от Воронова жесткий наказ:

– Этих двоих вые…ть так, чтобы они карантин на всю жизнь запомнили. Чтобы при упоминании этого слова они мочиться бы начинали! Вам все ясно?

– Есть вые…ть, товарищ полковник, будет сделано, – с готовностью отрапортовал прапор.

– А мы – то че сделали, только поздоровались, как культурные люди,– обиженно пролепетал не на шутку испугавшийся Серега.

Вот так и началась служба в Советской Армии Петра Малеты и Сереги «Желтка». Когда отправили полковника Воронова восвояси, все вдоволь насмеялись, а двух новобранцев определили в карантин и никаких особых репрессий, обещанных полковником, к ним так и не применили.

– 2 -

Как выяснилось, попали Петр и Сергей в учебку ЗАСовской связи. Для гражданских лиц поясню: ЗАС – это засекреченная аппаратура связи. Определили их в телефонисты (понятно, что есть еще и телеграфисты). Дальше пошла обычная армейская жизнь – наряды, караулы, теоретические занятия, физподготовка. Вскоре руководство части поняло, что Малета и Желтов парни грамотные, и как оказалось, дисциплинированные. Чувствовалось буквально во всем, что у ребят за плечами по ВУЗу, причем грамотнее они были ни только восемнадцатилетних пацанов, своих сослуживцев, но и большинства офицеров, не говоря уже про прапорщиков.

Да и постарше остальных они были, поопытнее в житейских делах. Поэтому после окончания учебки, их как незаменимых бойцов, оставили при части, формально определив в хозвзвод. Бросалось в глаза, что они как будто дополняли друг друга в армейской жизни. Сергей – крепкий, физически сильный, уверенный в себе и за словом в карман не полезет. К таким всегда молодежь тянется. Петр же был взрослым женатым мужчиной, грамотеем. Без особого труда, за короткое время получил почетное звание «Лучший специалист ЗАС» и без него вообще офицерско-преподавательский состав существовал неполноценно. Петр мог любого из них заменить на месте преподавателя в любой момент. В общем и целом, прижились парни в этой армейской среде и чувствовали себя «как рыба в воде». Пете еще нравилось, что к нему по выходным могла приехать Светка, а уж когда их стали отпускать в увольнения, Петра, как «женатика», так и с ночевкой отпускали. Не жизнь – «малина», в отличие от их бывших сокурсников, которые служили кто в стройбате, кто в Афгане, а кто просто в лесной глуши. Так и пролетели эти полтора года как-то незаметно, без эксцессов и залетов. Впрочем, один случай из армейской жизни запомнился ребятам на долгую память.

Где-то после года службы, в их военном округе были назначены учения. По разнарядке, в один из дивизионов ракетных войск необходимо было направить двух специалистов ЗАС для несения «боевого дежурства». Больше от скуки и однообразия Петр с Сергеем вызвались быть этими специалистами. В результате, отправили их на какую-то ракетную точку в Прибалтике. А там реальная Армия, порядки жесткие – три дня сидишь под землей на аппаратуре, потом день отдыхаешь. Так вот эти три дня БД были самым большим испытанием нервной системы для местного личного состава. Сидеть трое суток в шахте и ничего не делать – это оказалось для молодых парней, полных энергии, страшной пыткой. Брать с собой на дежурство, что-либо, было запрещено, то есть ни книг, ни телевизора, ни карт, как и ничего другого пронести было нельзя. Объект секретный, за нарушение режима – дисбат! Вот и сходили потихоньку с ума местные солдатики на этих БД от безделья. Дежурная смена состояла из четырех человек. Их задача была – обеспечивать бесперебойную работу приемо-передающей аппаратуры ЗАСовской связи, а поскольку эта аппаратура полуавтоматическая или автоматическая, то и страдала большую часть своего дежурства вся смена от безделья. К Петру и Сергею, так как никто из старожилов не знал их квалификации, определили двух лучших местных телефонистов. Андрей и Марат оказались вполне компанейскими ребятами, только какими-то, уж больно запуганными режимными требованиями. Марат был смешливым парнем, но слегка трусоватым, а Андрей типичный чтец – ботаник, но не лишенный чувства юмора и видно – не стукач. Сходили бойцы на первые два совместных дежурства, присмотрелись друг к другу. Вот тут Желток и решил показать свою настоящую квалификацию. Через систему блокировок ЗАСовского приемо-передающего аппарата он, напрямую подключил телефонную трубку к, считай, правительственной линии связи. По Уставу и Военному закону такие действия приравнивались в то время к шпионажу и по УК РСФСР карались вплоть до расстрела. За несанкционированными подключениями четко следила специальная служба при КГБ СССР и вычисляла место такого подключения «на раз», так как все внедрения в засекреченную линию связи давали моментально определяемый сигнал. По этому сигналу быстро вычислялось место внедрения, тем более такое внедрение было возможно только на приемо-передающих пунктах, то есть в шахтах, подобных той, в которой находились Сергей и его «команда». Таким образом, максимум через пятнадцать минут в месте внедрения уже находился вооруженный наряд для ареста преступников.

Когда Марат и Андрюха увидели, что сотворил Желток, у них как по команде лица стали сначала красными, а через минуту оба побелели как мел.

– Ты…Ты… что сделал? Нас же всех сейчас под арест!.. Под суд!.. Урод!… Как теперь быть?…– лепетал Марат.

Андрюха как-то весь обмяк, присел на стул, и безжизненно опустив вниз руки и голову, стал ждать, когда за ним придут. Прошло десять минут ужасного ожидания, пятнадцать, двадцать…, но никто не приходил. Желток же все это время не отрывал уха от телефонной трубки и слегка похохатывал, слушая содержание переговоров.

– Сводка КГБ по дивизионам идет, обхохочешься, что офицерье творит,– спокойно заключил он и передал трубку Петру. Сводка продолжалась.

Через полчаса томительного ожидания Андрей и Марат стали оживать, на их щеках появился румянец, а в глазах неподдельный интерес.

– Как это вы сделали? Ведь сигнал должен был пойти на контрольный пункт? – спросил, уже немного успокоившийся Андрей.

– Это – да!– передразнил его Желток,– но, понимаешь, сынок, есть очень грамотные связисты, а это – мы с Петькой, которые могут делать то, что не могут знать другие!– и перейдя на шутливый шепот, продолжил,– даже КГБ. Поэтому слушай приколы из трубы и наслаждайся моментом, пока мы находимся здесь, у вас.

На самом деле этот экстремальный фокус с подключением телефонной трубки объяснялся очень просто. В «учебке», где несли службу Петр и Сергей служил «престарелый», как его прозвали, капитан. Ему уже было сорок семь лет, а он все в капитанах ходил. Все потому, что жена у него была слишком коммуникабельная, только не в смысле общения, а в смысле подачи жалоб. Всем всегда недовольна была, то мусор вовремя не вывозят, то не те продукты в магазин завезут, то оркестр на празднике не ту музыку играет…. Вот и шлет жалобы в разные инстанции. Ну, и как это обычно бывает, больше всего недовольна была своим мужем, тот вообще все не так делает. Вот и в капитанах Павел Иванович задержался из-за своей стервозной жены. Не один раз его назначали на майорскую должность. Он, как узнает об этом, собирает всех своих друзей и сослуживцев «обмыть» новую должность. Обмывают по-русски, не торопясь, с разговорами про баб и о международном положении, и в конечном итоге, с ночным возвращением домой «на бровях». Ну а капитанша, обругав мужа-алкоголика последними словами, на утро бежит к армейскому начальству и в красках расписывает разгульный образ жизни опустившегося военнослужащего, то есть – своего мужа и в письменной форме просит принять экстренные меры по перевоспитанию «разложившегося элемента», позорящего звание советского офицера. Ну а начальство реагирует на просьбы трудящихся и, естественно, отменяет приказ об очередном назначении Павла Ивановича на новую должность. Жена – то потом, как узнает об этом, находится в нервном шоке, но дело уже сделано и майорскую зарплату уже не вернешь. А кто в этом виноват, конечно – муж!

– Не пил бы. Так и был бы майором!– заявляет она потом, на семейных разборках.

Так и служит Павел Иванович в капитанском звании, так и живет семья на капитанский оклад. Вот и зол был капитан из-за этого на весь свет. Сдружились каким-то образом с ним Сергей и Петр через вечерние посиделки за стаканчиком выпивки. Капитан же этот, между тем, специалистом по ЗАС-аппаратам был выдающимся. Мог такой аппарат по винтику разобрать, а потом собрать лучше прежнего. Он и научил ребят этому фокусу с тайным подключением телефонной трубки, так как знал изъян в системе блокировки ЗАС – аппарата.

Трое суток смены пролетели в этот раз незаметно, все четверо наслушались всякой информации вдоволь, а в конце смены Петр аккуратненько демонтировал всю эту систему прослушки, не оставив о своем «преступлении» никаких следов. Возвратившись в казарму, Петр и Серега почувствовали себя, чуть – ли не кинозвездами – все бойцы вокруг собирались кучками, шушукались и кивали в их сторону, что-то восхищенно обсуждая. После обеда бойцам, сменившимся с боевого дежурства, обычно полагался дневной сон, чем наши герои и хотели воспользоваться. Но как только они разделись и легли в свои кровати, около них нарисовалась депутация из трех самых авторитетных «дедов» местного дивизиона.

– Парни!– начал разговор глава делегации,– мы все понимаем, что вы крутые спецы и воображалы, но что бы вы хотели получить взамен раскрытия вашей тайны? Мы ведь тоже хотим так уметь, как вы!

– Знаете!– с апломбом произнес Серега,– я всю жизнь мечтал, что вот просыпаюсь я утром, солнышко в глаз светит, а я протягиваю руку с кровати, а около нее стоит кружка на крышке эмалированного ведра. Беру я кружку, поднимаю крышку, а там полное ведро водки. Ну, воины, пока, мы с Петром спать. Положено…– заключил он.

Петя хохотнул в подушку, подумал,– ну дуралей, где ж они двадцать бутылок водки в этом лесу найдут, да и на кой черт нам столько водки? Между тем к ребятам с расспросами больше никто не приставал. Весь следующий день Желток и Малета занимались своими обычными делами – курили, ели, читали, посетили спортивный городок. В общем, провели обычный армейский выходной. По команде «Отбой» легли спать, а вот утром, когда Серега проснулся – увидел около своей кровати большое эмалированное ведро, накрытое крышкой, а на крышке стояла металлическая кружка.

– Да ну! Так не бывает! Мужики, я же пошутил!– попытался было оправдаться Желток.

Сняв крышку с ведра, он обнаружил там полное ведро водки. Откуда взяли? Как нашли? Вот вопрос! Ведь на сорок километров в округе нет ни одного продмага.

– Ну, рассказывай!– подошел к нему один из вечерних парламентеров,– уговор, есть уговор.

– Тут не рассказывать, а показывать надо!– деловито отреагировал Серега.

На ближайшем БД парни вынуждены были раскрыть «капитанскую военную тайну» местным шпионам, а всю неделю казарма «гуляла», уничтожая содержимое пресловутого ведра, но откуда взяли столько водки в глухом лесу, так и осталось тайной.

Вернувшись в учебку, парни никогда и никому эту историю не рассказывали. Это ведь была, действительно, государственная тайна. А их в своей части уже заждались. Дело в том, что Сергей имел одно очень странное увлечение – он сходил с ума по любой мототехнике и ориентировался в этих «ЧЗтах», «Явах», «Ижах» и «Уралах» как будто он среди них родился и вырос. Он мог разобрать и собрать снова, отремонтировать и отрегулировать любой мотоцикл или мотодвигатель. Ну офицерствующий народ к нему и потянулся, а он за небольшой «интерес» ремонтировал бензопилы, культиваторы и уже начинавшие появляться газонокосилки. А за время его вынужденного отсутствия на «боевом дежурстве» заказов поднакопилось, ведь техника тогда была еще далеко не японская.

В общем, к дембелю «наремонтировал» он финансовых средств, столько, что им с Петром хватило справить офицерскую форму по тогдашней моде, художественно оформить дембельские альбомы и с шиком провести последембельскую неделю в родном Питере.

Вернувшись домой, и отпьянствовав со старыми друзьями положенный срок, приступили дембеля к гражданской жизни. Серега устроился физруком в какой-то техникум, продолжая сходить с ума по своим мотоциклам и посвящая им все свое свободное время. Петра отец устроил, вроде как временно, по его словам, в Горком комсомола, инструктором. Петр не испытывал большого желания агитировать молодежь за то, во что сам не верил, но послушав отца, согласился на эту должность. Действительно, и зарплата приличная, семейный человек все же, и перспективы какие – никакие есть. Да и квартирный вопрос решается как-то легче в партийно-комсомольской среде. Семейная же его жизнь после возвращения из Армии как – то стала разлаживаться. Светка была теперь вроде бы и не Светка, а Светлана Васильевна. Плаксивая, впечатлительная девчонка, вдруг превратилась в строгую, правильную женщину, постепенно все больше отдалявшуюся от Петра. Ну а тот, с головой окунулся в новую жизнь. Встречи, командировки по обмену опытом, пьянки, гулянки, юные комсомолки. На одной такой гулянке, он не на шутку «завис» с весьма экстравагантной барышней – комсомолкой. Как на беду, барышня эта оказалась родной сестрой подруги Петиной жены. Ну, сестры

все его жене и разболтали в деталях, получился вселенский семейный скандал, в результате которого, Светлана ушла, хлопнув дверью. Как не пытался объяснить ей Петр, что он ее по – прежнему любит, что изменил ей не он, а всего лишь один из его органов. Как можно упрекать орган в измене, ему ведь нечем думать, а его голова, его мозг и сердце все еще очень любят и ценят только одну ее – его жену. Но Светлана была неумолима, она заявила:

– Я разочаровалась в твоем лице в мужчинах, больше мне не звони и не ищи. На развод я подам сама.

Так уж у женщин обычно получается, что разочаровавшись во всех мужчинах, они бросают только одного своего мужа. Впрочем, жизнь складывается у всех по-разному. Петр вот развелся, а его друг, Серега Желтов, примерно в это же время женился на довольно – таки привлекательной девушке – Екатерине. Сестра Аня родила сына Антона и у нее, в отличие от брата, в семье был полный порядок. Анне повезло с мужем, Виктору – с женой. Глядя на них, Петр понимал, что и семейная жизнь, оказывается, может быть счастливой. Все хотел пойти к Светлане, покаяться, извиниться. Все откладывал, собирался с мыслями, но тут грянули девяностые годы. Вокруг все завертелось, закружилось. Комсомол кончился как класс, но партийцы и комсомольцы не кончились, они как – то плавно перетекли в госструктуры, госкорпорации и администрации. В администрацию, уже не Ленинграда, а Санкт-Петербурга, перешел и Петр Сергеевич Малета. Оказалось, что в новых экономических условиях номенклатуре также стало комфортно, как было и раньше в обкомах, да исполкомах. Занимаясь культурным наследием и курируя охрану памятников, Малета обнаружил буквально золотую жилу, и его доходы резко пошли в гору. В это бурное время он уже редко встречался со своим армейским другом Желтком, хотя оба считали себя друзьями до гроба. Их дружба стала ограничиваться общими застольями на Дни рождения, Новый год и на пару оставшихся от эпохи социализма праздников. Сблизился же Петр Сергеевич, в силу общих рабочих интересов, с бывшим однокурсником Николаем Папловичем Петровским, который не терял времени на службу в Армии, а защитил за это время кандидатскую диссертацию и считался уже весьма авторитетным искусствоведом. Впрочем, он не обзавелся распространенным в его среде снобизмом и с заметным удовольствием всегда откликался на предложения о совместном времяпрепровождении с Петром Сергеевичем.

По мере роста капитала, Малета стал замечать зависть по этому поводу у окружающих его людей, но относился к этому философски: «Если тебе завидуют – стыдно жить плохо». Обзавелся Малета и необходимыми связями, и нужными знакомствами. Вместе с авторитетом появился животик и заметная лысина, а к людям он стал относиться несколько свысока. Короче говоря, превратился Петр Сергеевич в типичного, среднестатистического чиновника.

В конце девяностых они с Анной одного за другим потеряли обоих родителей. Ощутил тут Малета какую-то пустоту. Вроде бы все есть – шикарная квартира, представительский «Мерседес», куча подруг и любовниц, масса друзей и знакомых. Но Петр Сергеевич стал ощущать, что в принципе, он ведь никому не нужен, а все что его окружает – это пена, поднявшаяся на его деньгах, которая в любой момент может испариться, вместе с деньгами, и останется он совсем один. Хотя нет. Желток, Петровский, Аня с мужем, это вот, наверное, навсегда. Но у них тоже своя жизнь, свои заботы и им большую часть времени вовсе не до него. Один раз они на его предложение встретиться ответили: «Давай в другой раз, что-то очень некогда», в другой раз, так же сказали и понял Петр Сергеевич, что со старыми друзьями надо дружить издалека, а любовь родственников должна измеряться километрами. Как раз в это время ему предложили серьезную должность в администрации одной из губерний центрального района. Сказали серьезные люди:

– Побудешь на первых ролях в провинции – двинем тебя во власть, в Москву, на хорошую должность, годика через три – четыре.

Где обещанные три – четыре годика, там получилось всех восемь. Дослужился Петр Сергеевич до должности вице-губернатора, курировал в том числе, и правоохранительные органы. Работал как любой номенклатурщик – вроде бы все было, и достаток полный, но от «легких» денег никогда не отказывался. Боялся спугнуть удачу. Нужно как все. Помнил персидскую пословицу: «Если все прыгают, должна прыгать и черепаха». В общем, работал не напрягаясь, ждал дальнейшего карьерного роста, желательно в столице, ну и жил в свое удовольствие, не заботясь о других. Здоров и крепок. А вот не заметил главного своего заболевания. Самая заразная болезнь – это власть и она больше всего корежит и уродует людей. От этой болезни и пострадал Петр Сергеевич.

Полицейские из местного линейного отдела задержали на железнодорожном вокзале человека преклонного возраста, так как его внешность, на их взгляд, полностью совпадала с фотороботом рецидивиста всероссийского масштаба, который был объявлен даже не во всероссийский, а в международный розыск. Одели, на предполагаемого преступника наручники и, препроводили в КПЗ при отделении железнодорожной полиции. Тот в крик.

– Я,– кричит,– ветеран войны, я заслуженный работник культуры, награды имею, а вы меня в преступники. Я вас в порошок сотру, вы еще не знаете, с кем связались!»

Присмотрелись руководители линейного отдела внимательно:

– Вроде бы он, а может и не он. Ну, ведь похож же!

Они работнику культуры и говорят:

– Слушай, а кто-нибудь может подтвердить, что ты – не разыскиваемый преступник, и что фамилия твоя совпадает с той, что в паспорте твоем написана. Кто-нибудь знает тебя в нашем городе?

– Точно! Знает и может подтвердить,– обрадовался задержанный,– у вас же вице-губернатор Петр Сергеевич Малета. Я с ним в Питерском управлении культуры «пуд соли съел». Давно не виделись, я все хотел встретиться, да все как-то проездом, все дела. Скажите, Марков Всеволод Иванович, привет передает. Ну, звоните же скорей!

Дежурный капитан линейного отдела полиции набрал номер телефона областной администрации, представился, кратко объяснил секретарю ситуацию и попросил соединить его с вице-губернатором Малетой. Секретарь, проникнувшись важностью момента, набрала Петра Сергеевича.

– Петр Сергеевич, тут звонят из линейного отдела полиции, говорят, что они какого-то Вашего друга задержали, в КПЗ у них сидит. Дежурный капитан просит с Вами соединить.

– Соединяйте,– скомандовал вице-губернатор без лишних уговоров.

– Уважаемый Петр Сергеевич!– заискивающе начал капитан,– мы тут по фотороботу произвели задержание подозреваемого во многих преступлениях рецидивиста. Вернее, человека, похожего на рецидивиста, а он говорит, что он Вам друг, вы в Питере, мол, вместе работали…

– Передайте вашему задержанному,– прервал капитана Петр Сергеевич,– что у Малеты в КПЗ друзей не бывает.

И вице-губернатор положил трубку.

В течение трех дней следователи, конечно, разобрались, наконец, что Марков этот действительно не преступник, а всеми уважаемый и заслуженный человек, да еще и имеющий обширные связи в верхах и тем самым способный доставить местным полицейским огромные неприятности. Как положено, принесли ему глубочайшие извинения, заверили, что все виновные будут наказаны и отправили с почетом в Москву. Заслуженный же работник культуры, находившийся после этого «приключения» в прединфарктном состоянии, по приезду в столицу, раздул огромный скандал, связи-то у него действительно были приличные. Но весь свой гнев обратил ветеран не на нерадивых полицейских, а на того, от кого он помощи ждал, с кем он, в свое время, «пуд соли съел» – на Петра Сергеевича. В результате Малета стал чем то, вроде имени нарицательного, в обиход вошла поговорка: «Что ты ведешь себя, как Малета», симво-

лизировавшая верх чиновничьей черствости. Ну и, как результат, Петру Сергеевичу предложили, во избежание еще большего грядущего скандала, написать заявление по собственному желанию. На этом его карьера успешного чиновника закончилась. Почти в пятьдесят лет он остался у разбитого корыта. Ни семьи, ни детей, все друзья и соратники по работе как-то сразу растворились. И никому теперь Малета в губернском центре стал не нужен. Дальнейший путь был один – снова домой, в Питер.

– 3 –

Переехав на постоянное место жительства в свою старую квартиру, которую он держал как бы в резерве на черный день, Петр Сергеевич, в первую очередь, навестил сестру. В очередной раз удивился, как летит время. Племянник Антон был уже студентом. Парень имел рост, чуть ли не на голову выше дяди, и видно было, что со спортом он также весьма дружен. На вопрос Анны:

– Ты надолго к нам в Питер? По делам, что ли?

Он немного натужно ответил:

– Я, знаешь, наелся этой номенклатурной работы и прибыл в Питер не в командировку, а на прежнее постоянное место жительства. Так, что думаю, теперь будем видеться чаще. А что Антон, как учеба, как жизнь молодая протекает? Вон, каким женихом стал, от девчонок, наверное, отбоя нет?

– Да ну, Петя,– отреагировала вместо сына Анна,– он у нас однолюб оказался. Есть у него одна Лена Федотова, и он говорит, что ему больше никто не нужен – любовь, наверное.

– Мам. Попрошу не нарушать мое конституционное право на личную жизнь,– слегка покраснел Антон,– ничего еще не решено в плане перспективы наших с Леной отношений.

– Да мы, что? Мы же только рады за вас, если у вас любовь настоящая,– поддержала сына мать.

– А кроме «Лены» есть у тебя еще какие-нибудь увлечения, – продолжил беседу Петр Сергеевич.

– Вот, Петя, – опять ответила за сына Анна,– собираются летом студенческой компанией на Тянь-Шань ехать, по горам лазать, представляешь, ближе гор не нашли.

– Что и Лена с вами? – вставил слово Малета.

– Куда ж без нее, дня не проходит, чтобы не виделись, я же говорю – любовь.

Антона совсем вогнали в краску и чтобы прекратить неудобную для него тему разговора, он спросил дядю:

– А Вы, дядя Петя, чем собираетесь заниматься в Питере?

– Да вот, Антон, встречусь со старыми друзьями, покумекаем, глядишь, потом что-нибудь, да и родиться. А пока можно немного и отдохнуть. Ну, рад был Вас видеть, мне пора. Пламенный привет Виктору, еще увидимся.

Петр Сергеевич быстро оделся, поцеловал сестру, пожал руку Антону и вышел из квартиры Мавриных.

– Хороший дядька у меня, или как? Я – то его почти не знаю, – спросил у матери Антон.

– Да, нормальный. Холостяком, правда, стал заядлым. А вот чего сюда вернулся с вице-губернаторской то должности не понятно, видно турнули его с работы за что-то. Ну, да ладно, хватит руководить, когда-то ж и работать надо начинать,– усмехнулась Анна Сергеевна.

Петр вышел на улицу, сел в машину, доехал до центра города. Вышел на Невский и решил немного пройтись, дойти до набережной, посмотреть на Неву и собраться с мыслями. Он не был в Питере уже лет пять, хотя казалось, что приезжал сюда только вчера. Была такая же, немного слякотная ранняя весна. Они, тогда, договорились встретиться с Петровским в небольшом мексиканском ресторанчике в центре города. Петр созвонился с Петровским и, пригласив его в ресторан, добавил:

– Ты с собой Желтка захвати, а то я уже месяц до него не могу дозвониться, телефон, что ли поменял.

Петровский на это ничего не ответил, только сказал:

– Ты что, про Желтка не в курсе? Ладно, встретимся, расскажу,– чем несколько заинтриговал Петра.

Встретились. Обнялись как друзья, выпели по рюмке «Текилы». Заказав официанту блюда, Петр поторопил с рассказом Петровского:

– Палыч, что с Желтком-то произошло, что за тайны мадридского двора?

– Да расскажу я тебе про Желтка, ты – то как, что так и не наладились ваши отношения со Светланой?

– Не наладились, как говорил мудрец: «Чем больше женщину мы любим, тем меньше времени на секс». В общем, ее любовь прошла, а я свою любовь к ней просрал, а другой не нашел.

– Ну, ты не огорчайся, ты же знаешь, что жизнь одного человека продолжается слишком долго, чтобы в его жизни была только одна любовь. Будет и другая.

– Хватит обо мне, ты как, слышал я, уже большим профессионалом стал?

– Да. Есть немножко, все как-то идет само собой, я вроде бы, и усилий никаких не прилагаю, просто занимаюсь любимым делом.

– Ну, понятно. Так что там такое стряслось с Желтком-то, все-таки?

– Такая история, прямо удивительная. Ты же знаешь его страсть к мотоциклам?

– Ну да. Он как-то и меня хотел привлечь к своему хобби, но меня это не зацепило, да и страшно мне, хотя я себя трусом и не считаю, – пояснил Петр.

– Ну, так вот,– продолжал Петровский,– покупает себе Серега мотоцикл, смесь какую-то чоппера со спортивным байком. Рад, до безумия! На работу – на мотике, на часы смотрит, когда конец работы. Быстрее на мотик и гонять, гонять. По городу пробки, а ему по фигу, между машинами, на скорости, как червяк. Ну, ты же его знаешь?

– Ага. Знаю,– согласился Петр.

– Вот мчится Серега, однажды, по улице, видит впереди перекресток, а перед ним еле тащится панелевоз. Видел, наверное, тягач тянет такой большой прицеп, а на нем плиты вертикально почти стоят, привязанные.

– Ну да! Ну да!

– Так вот, Желток решает обогнать этот панелевоз, чтобы перед ним въехать на перекресток, ему куда-то там поворачивать нужно было.

– Так…

– Ну, вот Серега на своем мотоцикле лезет между левым и правым рядами машин, – продолжил Николай Павлович,– поравнялся с панелевозом, а тот в этот момент решил, видимо, ямку объехать, что ли. В общем, вильнул влево и назад в свою полосу. Прицеп, естественно, тоже вильнул и задним колесом бьет по Серегиному мотоциклу. А колесо там, сам понимаешь, выше Сереги, вместе с его байком. Желток подлетает вверх и летит влево, ударяется об грузовичок, который ехал параллельным курсом. Отлетает назад и чуть не попадает под прицеп все того же панелевоза. Слетает с мотоцикла, тот вперед, Серега за ним. Ну, и догоняет он свой, уже упавший байк. Да так неудачно, что прямо горлом, чуть ниже подбородка насаживается на штырь от разбившегося зеркала, что на руле мотоцикла. Рядом в потоке «Скорая» ехала. В образовавшейся пробке, в суматохе, посмотрели доктора или фельдшеры, говорят: «Труп, торопиться некуда». В общем, отвезли Серегу в морг.

– Да ты что? Вот беда-то! Говорил я ему, что не доведут его до добра эти мотоциклы. А дальше то – что? – вставил свое веское слово Малета.

– Ну, а что дальше? Катька, жена Серегина, в истерике, той тоже хоть «Скорою» вызывай. Мать его – та в обмороке. В общем, решили, что будем забирать Серегу из морга на следующий

день, надо было пока о живых подумать. Обмыли Серегу, как положено, в морге, положили на какой-то стол каменный, для вскрытия, наверное. Тут все эти патологоанатомы, или как их там, домой и пошли, рабочий-то день закончился. Ближе к ночи, сторож в морге слышит, как будто зовет его кто-то. Он свет не стал включать, и так жутко. Входит в зал, где покойники лежат, фонариком посветил, а тут один из покойников руку поднимает и пальцем его приманивает. Жуть, ночь, покойники кругом. Дед фонарь выронил и за сердце. Дополз кое-как и с вахты заведующему звонить: «Спасите, мол, покойники оживают и меня к себе манят». А сам «Бах!» и без сознания. Хорошо, заведующий моргом умным мужиком оказался, понял все. Позвонил быстро в «Скорую», те прилетели в морг, ну и оживили Серегу вместе со стариком – сторожем. Забрали обоих и в реанимацию. В общем, откачали кое-как мотоциклиста. Потом-то мы, конечно, смеялись над этой историей долго, но страху все натерпелись, особенно Катя, да мать Серегина. А ты говоришь, месяц не мог дозвониться. Катерина, как узнала, что вскочили они в последний вагон, и беда миновала, предъявила Сереге ультиматум – «или она или мотоцикл». Ну, он вроде бы зубами скрипит, но держится, а впрочем, не знаю, очень уж у него страсть сильная к этой технике. А так – то, жив Желток, все нормально теперь.

Вот такую историю о друге Петра Сергеевича Желтове поведал в прошлый его питерский приезд профессор Петровский.

Воспоминания Малеты прервал телефонный звонок. Легок, на помине, звонил Петровский:

– Здорово Петр Сергеевич! Услышал, что ты в Питере, так чего не звонишь? Аль, случилось что?

– Да нет, Палыч, все нормально, просто только что приехал, совсем недавно. Вот Анну с семьей навестил. У тебя как со временем?

– Если есть деловое предложение – я «за»! Но денег у меня маловато. Имей это в виду, я ведь профессор, а не олигарх!

– Я понял. Слушай, бери с собой Желтка и заваливайтесь вечером, часиков эдак в семь, ко мне на квартиру, только с ночевкой. Посидим, выпьем, поболтаем, как раньше. Принимаешь такую идею?– предложил Малета.

– Я то – «за», у меня и жена с дочерьми укатили к бабушке в тверскую губернию, а вот с Желтком попробую связаться, его Екатерина сейчас в «жестком теле» держит, прямо в «ежовых рукавицах». Он тут, днями, опять что-то отчебучил. Ну, если придет, сам расскажет.

– Так пусть с Катериной и приходит, места всем хватит,– не отступал Петр,– я бы и сам его зазвал, но он, же опять трубку не берет.

– Ладно! Я к нему на работу заеду, это от меня недалеко, передам ему твое предложение. Ну, будь здоров, до вечера. Пока!

К вечеру у Петра Сергеевича все было готово. Он сначала заехал в гипермаркет, купил спиртное, икры, колбасы и прочее, что необходимо в таких случаях, затем заехал в ресторан, взял шашлыков, еще какую-то снедь под горячее. В общем, к семи часам вечера стол был накрыт по высшему разряду и Петр стал спокойно ожидать гостей, сидя у телевизора. Март – опять время выборов и по нескольким программам телевидения упитанные кандидаты в депутаты, как обычно, обещали на разные лады победить нищету, увеличить зарплаты и пенсии и поднять уровень жизни народа до неимоверных высот. Из этих агитвыступлений Петр Сергеевич сделал вывод, что в Питере выборами называется благотворительность бедных в пользу богатого сословия. Он выключил телевизор и тут же раздался звонок в дверь. Когда Малета открыл дверь, в квартиру вошел нисколько не постаревший, такой же высокий, худощавый и, по сравнению с Петром – пышноволосый, Николай Павлович Петровский. Он был, как всегда, подтянут, в строгом костюме, застегнутом на все пуговицы, правда, на этот раз, без галстука.

– Я рад Вас приветствовать на родной земле,– изрек он,– ты в Питер по делам, на время, или тебя совсем поперли из твоей губернии?

– Совсем поперли,– поддержал шутливый тон друга Малета.– Буду теперь дома ловить рыбку в мутной воде. Шучу. А если серьезно, то я получил полный расчет и свободен, как птица стриж. Если есть выгодные предложения относительно работы – обращайтесь без стеснения, рассмотрю любые.

– Надо подумать. Такими опытными кадрами разбрасываются только дураки. А тебя поперли по собственному, или, прости, с хвостом приехал, в виде там служебного несоответствия или недоверия?

– Да нет!– стал оправдываться Петр Сергеевич.– Все нормально, сам ушел, по собственному желанию.

– Это – да! Понятно, что сам! У нас из администраций все сами бегут. Испытывают, так сказать, непреодолимое собственное желание уволиться из госаппарата,– иронизировал Петровский. – Ладно, позже обсудим твое положение.

– Ты Желтка – то видел? Где он опять пропадает?

– Видел я твоего Желтка, побитый опять какой-то, но обещал придти, правда не обещал, что придет один.

– Вот и славно, я уже лет десять Катьку его не видел,– наигранно обрадовался Малета.

В это время в прихожей открылась дверь и в квартиру шумно ввалились Серега Желтов с супругой.

– Кто это тут банкеты закатывает. Вот и нам посчастливилось покутить на номенклатурном рауте,– юморил Серега.– Привет! Наконец-то и ты, дружище, заявился в наше-то болото. Это я в климатическом смысле.

– Здравствуй Петя!– прощебетала Екатерина и подставила Петру щеку для поцелуя.– Ты к нам надолго или навсегда?

– Чувствую, чья ты жена. Сразу ощущается ваш «грязный» семейный юморок,– целуя Катю, произнес Петр.– Как получится, так и выйдет. Я пока не задумывался над ближайшим будущим.

– Это правильно. Даже дохлая рыба может долго плыть по течению,– продолжат острить Серега.– Кто-то там тебя сильно прищемил, в твоей администрации губернской?

– Есть немного,– ответил Малета.– Обидели там полицейские по ошибке одного культурного светилу московского, приняли за преступника. Сам виноват, нужно было одеваться прилично, следить за собой, ну хотя бы побриться. Ну, они его три дня и продержали в каталажке, пока все не выяснили. А я в администрации курировал тех «полицонеров», будь они неладны. Вот этот культурный деятель всю свою злобу через московское начальство на мне и выместил. Как результат – плакала моя «политическая» карьера. В общем, ушел я по собственному желанию моего руководства.

– То есть виновата культурная среда страны,– снова пошел в атаку Серега,– это всегда так. Люди сильнее всего обижаются на тех, кого они сами обидели. Но ты не раскисай. Все рано или поздно встанет на свои места.

– Ну, да! Видимо судьба такая,– подытожил тему Петр.

– Цитата в тему!– подхватила Катя,– «Пока человек не сдается – он сильнее судьбы». Хватит о грустном, давайте за стол, хряпните по сто граммов и поговорите, а то я голодная страшно, а мне еще по делам бегать. Так что, Петя радуйся – я недолго буду своим присутствием надоедать вашей мужской компании, успеете еще всем «косточки перемыть», когда я уйду.

– Кать,– а чего это Серега какой-то поцарапанный, помятый,– включился в беседу Петровский,– это не ты его дома «мутузишь» за какие-нибудь грешки?

– Нет, это он сам себя «мутузит». Вот, чуть выпьет и расскажет вам в красках про свои экстремальные приключения. Ну, давайте за стол, Петр Сергеевич, командуй.

– А что – командуй? Садитесь за стол, все готово.

Выпили по одной рюмочке, по второй, по третьей, хорошенько закусили. Причем, это все молча, только произнося короткие, стандартные в такой ситуации тосты. Видимо все были или очень голодны, или Петр уж больно вкусно все в ресторане «приготовил».

– Все парни, продолжайте банкет, но не увлекайтесь спиртным. Это я вам как врач говорю, надо, чтобы голова всегда «варила», а то упадете и будет сотрясение мозга,– произнесла Екатерина, многозначительно посмотрев на мужа,– Петя, спасибо за угощение, все было очень вкусно, я побежала. Мотоциклиста из квартиры не выпускать, завтра утром я за ним заеду. Пока ребята, не провожайте меня, – закончила прощальную речь Катя и упорхнула по своим делам.

– Так и чего это ты такой побитый и поцарапанный, давай колись, подкаблучник,– проговорил Петр.– В прошлый раз ты встречу пропустил по уважительной причине, в морге валялся, а сейчас почему чуть банкет не сорвал?

– Да, в прошлый раз было совсем плохо. Как вспомню, так вздрагиваю! Помню, «очухался» я, чуть в себя пришел, все тело болит страшно, но особенно, голова болит и как будто кол мне в горло загнали. Кое – как напрягся, повернул голову, на соседнем постаменте баба лежит голая, старуха какая-то. Б-р-р! Темно. Свет чуть через окно проходит, вот тут я и увидел, что ей не двадцать лет. Легонько, через боль, себя ощупал. Тоже голый! Лежу на каком-то столе каменном. Ничего понять не могу! Правда, организм, вроде бы, весь на месте, но … холодно. Замерз ужасно! Вижу, блуждающий свет фонарика появился, я ему рукой слегка помахал, как смог, а он, вроде бы, как и упал и по полу катается, бликами светит. Ну, думаю, все – конец! Я хотел еще шею повернуть, посмотреть, что случилось. Но, как головой дернул, вдруг боль резкая, я и отключился. Когда очнулся, вижу – палата больничная, кровать как кровать и белье постельное белое. Так я и не понял тогда – сон это был или что? Это уже потом, позже мне рассказали историю моей смерти. Короче, вытащили с «того» света, спасибо сторожу, этому бедолаге. Я потом еще ему передачи в больничку носил, у него с сердцем что-то, вроде инфаркта через меня приключилось.

– Про прошлый раз – все понятно,– перебил его Петр,– а сейчас-то что произошло?

– Парни, не поверите! Еще хуже история приключилась. Я, после моей мнимой смерти, три года про байки с женой даже слова не говорил. Потом, вроде бы, все успокоилось. Я решил жену не напрягать и купил бэ-ушный «Кавасаки», типа «эндуро».

– Типа – чего?– поинтересовался Петровский.

– Ну, это класс мотоциклов такой – «Эндуро», на «Дакаре» на таких мотиках гоняют. Короче, купил втайне от Катьки. Договорился с одним кентом, он в двух кварталах от меня живет, взять напрокат у него сарай. Знаете, при старых домах такие сараи двухэтажные отдельно от домов во дворах строились раньше. Ну, все получилось как нельзя лучше. Утром иду на работу, вернее не на работу, а в сарай этот. Беру «Кавасаки» и как человек, еду на работу. После работы погоняю по городу, по делам и потом в сарайчик опять байк поставлю и домой прихожу. Катька ничего и не замечает. Год, с лишком, я так шифровался. И вот еду недалеко от дома, по проспекту, впереди перекресток и светофор. Зеленый горит.

– Опять перекресток?– удивился Петровский.

– Ну да, опять. Так вот. Я газку прибавил, думаю – проскочу! Желтый загорелся. Ну, я почти проскочил, только в это время выезжает на перекресток катафалк, такой старый, знаете с носом спереди, на базе ГАЗ-51. Скорость сбрасывать поздно, тормозить тоже. Ну, я еще газу добавил, думал, проскочу перед ним.

– Ну и, проскочил?– вставил вопрос Петр.

– Нет, не проскочил! Как раз ему в переднее колесо и влепился. Зад моего байка подбросило вверх силой инерции, а я как из катапульты вылетел через капот катафалка. Шлем слетел. Он в одну сторону, я в кусты, что по краю поребрика росли. Приземлился. Лежу. Себя ощупал, вроде бы все цело, только ободрался об кусты эти. Тихонько ветки раздвинул, смотрю,

народ стал собираться. Водитель катафалка вышел, дедок такой, «божий одуванчик». Ходит, как лунатик, вокруг машины, головой качает. Его спрашивают подошедшие зеваки: «Дед! Что случилось?», а он им: «Не знаю,– говорит,– я и разглядеть ничего не успел, видел только, что мотоцикл с разгону моей машине в бок саданул, да голова его, мотоциклиста этого оторвалась, да куда-то в сторону полетела. А его самого что-то и не видать!

– Он, наверное, уже на небеса улетел,– «сморозил» шутку кто-то из зевак, – так что, угрохал ты его, дед!

Водитель от этих слов за сердце схватился и, вроде как, плохо ему стало. Народ всей толпой к нему – участие проявить. Ну, я в этот момент вылез из своего укрытия, мотик в руки и укатил под шумок, пока все дедом этим занимались. Вот и вся история.

– А дальше-то что?– спросил Петровский.

– А что дальше? Дальше – самое смешное началось. Оказывается моя Катерина, в это время, стояла на автобусной остановке, на противоположной стороне улицы и все это представление созерцала от начала до конца. На автобусе, конечно, никуда не поехала, ради такого зрелищного спектакля. Короче, докатил я свой байк до сарая и домой мигом. Прихожу, Катька меня спрашивает, откуда я такой ободранный, да поцарапанный прибыл. Я ей вру, что, мол, в техникуме ветки у деревьев обрезали, весенняя обрезка, в общем. Вот я и упал с дерева, но, вроде бы, все цело. Она говорит: «Ну и, слава богу, что все цело, а то, ведь мог, и ноги и руки поломать». Короче, такая вот дипломатка. Вроде бы, ничего и не знает про мой кульбит через катафалк. Вид такой сделала. Ну, я раны зализал, выждал паузу, недели в две, чтобы страсти улеглись. Вроде бы, все спокойно, прихожу, открываю сарай, а там – пусто! Нет байка! Это же она меня выследила как-то заранее и куда-то сбагрила, молчком, мой «Кавасаки». Чего делать? И ничего, в упрек, не скажешь – только себя выставишь идиотом и обманщиком в Катькиных глазах, и смолчать, вроде бы, нельзя.

– Ну и что ты сделал?– осведомился Петр.

– Что сделал? Завязал свою мотоциклетную деятельность. С Катериной теперь на машине езжу. Во как бывает! Ладно! Что мы все обо мне, ты, Сергеич, что намерен теперь делать?

– Да вот смотрю, выборы у вас тут, в Питере наклевываются. Думаю, может быть в депутаты какие-нибудь податься, как думаешь?– съязвил в ответ Малета.

– В депутаты – это бы хорошо. Место доходное. У нас в стране вообще им красота: заводы военные строят – говорят, за мир борются, лагеря восстанавливают и расширяют – они же поборники правды и закона, к политическим противникам нетерпимы – это они за справедливость.

– Это ты к чему, Серега?– спросил Петр Сергеевич.

– А к тому, Сергеич, – продолжил свою тираду Сергей,– что политические гангстеры прикидываются благодетелями страны, у них свобода – красивый лозунг. Фальшивые финансы, фальшивый патриотизм, лживая пропаганда. А в результате всей идеологии – ложь. В руках подонков светлые идеалы прошлого.

– Что-то ты расфилософствовался , Серега. Я понимаю так: как только у человека начинаются проблемы на работе или в семье, так он начинает на подпитии ругать власть и философствовать. А ты, Серый, просто попробуй заниматься любимым делом, да люби жену. Вот и власть и цена на нефть тебя станут устраивать, – наставлял друга Петр,– а то, все начинают проблемы страны решать, а у самих на кухне бардак и туалет, извини, весь засран.

– А я – чего, я – ничего!– стал оправдываться Желток,– просто любимое дело редко кому-то еще бывает нужно, кроме меня, а жена считает, что мой супружеский долг – это не пить. А как тут не пить, я же теперь без руля.

– Вот поэтому депутаты у тебя во всем и виноваты, а ты Николай Палыч , что про все это думаешь?

Молча слушавший разговор двух «политических противников» профессор, изрек:

– Я ничего по этому поводу не думаю, я просто не хожу на выборы. Причем, не из диссидентских соображений, а скорее из-за ненависти к бессмысленным действиям. Реформируют уже двадцать лет страну, а между тем, я как историк вам скажу, что даже в свои смехотворные эпохи, в России болтовня о патриотизме не доходила до такой степени казнокрадства и дранья взяток со всего живого и мертвого. Да, что тебе, Петр, объяснять, ты сам столько лет в этом котле варился.

– Вижу, в Питере ничего не меняется, какая-то вечная перманентная революционная ситуация,– подытожил Петр Сергеевич.– Ребята, просто надо деньги зарабатывать. Будут деньги, и власть ругать вам будет без надобности. Поверьте, я знаю!

– Ты-то бизнесмен «липовый», чем думаешь, все-таки, заниматься?– спросил Желток, уже успокоившись и опрокинув под шумок пару рюмочек коньяка.– Ведь то, что у тебя есть – проешь быстро.

– Это вопрос уже серьезный и я с нетерпением жду ваших предложений и советов.

– Если тебе интересно,– вступил в разговор Петровский, тоже закусывая,– я могу поговорить с руководством по поводу выдвижения тебя на освободившуюся должность директора исторического архива.

– А что, я историю люблю. А с директором бывшим, что приключилось? Не потянул, что ли или заболел?

– Просто от старости нет лекарства, на пенсию ушел. А, вообще, дедок он классный и помочь всегда готов. По край ней мере обещал, когда уходил на пенсию.

– Я согласен. Тем более, тут ведь первоисточники всегда под рукой. Тишина. Покой. В общем, полная библиотека.

– Зря иронизируешь,– возразил профессор,– хозяйство там не малое, да и порядок навести не так просто, как кажется. Так что, Петр Сергеич, попробуем?

– Я же сказал, согласен я! Если посчитают мою кандидатуру достойной для этой должности, так я согласен, хоть завтра, засучив, так сказать, рукава.

– Ладно, хватит вам о серьезных делах разглагольствовать,– перебил Желтов,– мы ведь выпить собрались. Ну, так и давайте выпивать, как взрослые и культурные люди, а то все бы вам разговоры разговаривать.

– И то – правда,– согласился Малета,– время уже к ночи, а мы ни в одном глазу. Предлагаю выпить за тех, кто в море, в сапогах и в роддоме… им тоже тяжело!– произнес он незатейливый тост и поднял рюмку.

Далее друзья вспоминали былые молодые годы, разные смешные случаи из своей жизни. В общем, засиделись далеко за полночь.

– Сергеич, а как твоя семейная жизнь, наладилась? – снова затронул больную для Малеты тему Желтов.– Со Светланой своей, помирился или может быть какая, другая зазноба появилась?

– Зазноб- то много, но вот с той, с которой каждый день хотелось бы просыпаться по утрам, не довелось пока встретиться.

– Это плохо. Надобно тебе определяться. Без семьи мужик нынче долго не живет.

– Это тебе, наверное, твоя Катерина нашептала, когда ты из под ее каблука решился выглянуть,– подключился к беседе ироничный Петровский.

Он и Малета громко рассмеялись.

– Зря гогочите!– возмутился Желтов.– Я вот вам сейчас расскажу, что бывает, когда человека не обременяет семейная жизнь.

– Ну, расскажи.

– Один мой знакомый – Толик Береснев, заядлый спортсмен – мотогонщик и такой же заядлый холостяк, жил в районном центре на границе Смоленской и Московской областей, недалеко от деревни Клушино. Это где наш первый в мире космонавт родился – Юрий Алексее-

вич Гагарин. Ну, Толик был в районе личность известная, не так уж там много спортсменов всесоюзного уровня. Короче имел он почет и уважение своих земляков. Когда закончил Береснев с мотокроссом этим, по «выслуге лет», предложили ему местные власти должность начальника районного коммунального хозяйства. Должность вроде бы не великая, но всем нужная. Кому воду нужно подвести, кому газ, а кому, сами понимаете, и канализацию. Но, у нас ведь как? Видит начальство – человек нормально справляется со своей работой, так надо его еще поднагрузить. Поручили тогда Толику еще и за охотничьи хозяйства и за рыбные просторы отвечать. В то время зачастили в район этот космонавты из Звездного городка приезжать. «Музей Гагарина» открыли, и стал райцентр, вроде бы как, центром сбора космонавтов на просторах родной природы. Места красивые, рыбные – чего не отдохнуть. Ну а там где космонавты, сами понимаете, с ними начальников разных стало приезжать – пол Москвы. А кому встречать? Приезжают то гости, в основном, по выходным, а у всех местных начальников семьи, дети, да тещи. Без жены, без семьи только один Толик Береснев, тем более должность его больно уж к природе подходящая. Вот он и стал заниматься с приезжим начальством. Охоту им или рыбалку – пожалуйста, хотите шашлыки – получите. Каждую неделю с пятницы до понедельника – «дым коромыслом, а водка – рекой». Всем от этого хорошо. Местное начальство побудет с гостями часок – другой, поприветствует московскую элиту и домой, к семьям. Приезжим тоже хорошо – «халявная» выпивка да закуска плюс охота и рыбалка, организованные на приличном уровне. Ну и Толику вроде бы не плохо. Его еще больше местные уважать стали – «Вон, с какими начальниками каждые выходные якшается». Даже побаиваться стали. Свяжись теперь с ним – пожалеешь.

– Серега, ты это к чему все рассказываешь?– не понял Малета.

– Скоро поймете! Короче, сдружился на этих раутах Береснев с одним могучим министром, потаскал его на результативную охоту и на удачную рыбалку. Министр видимо вспомнил свою юность деревенскую, ностальгия и взыграла. Он зачастил к Толику в гости, чуть ли не каждую неделю. Оба – министр и Толик ребята крепкие, оба бывшие спортсмены. Как в народе, про таких, говорят: «Косая сажень в плечах». Ну, конечно, и выпить «оба не дураки». Их одна выпитая бутылка водки, что называется, не берет. В общем, дружба до гроба на почве общих увлечений. Тут зима наступила, министр стал реже приезжать. Сами понимаете – то слякоть, то мороз сильный. Вот Толику, за какой-то надобностью по работе понадобилось в Москву ехать. Он, вместе со своим замом по коммунальному хозяйству Васей Рыжовым, в Москве все дела по работе к вечеру поделал и решил друга – министра навестить. Время тогда было тяжелое, хлеба не было, так что масло мазали прямо на колбасу. Шучу! Сотовых телефонов не было, а по простому телефону до министра дозвониться, понимаете, шансов никаких. Вот, Толик Береснев засунул в полушубок две бутылки припасенного заранее самогона-первача, захватил с собой Рыжова и отправился прямо на работу к министру, на выделенной ему по случаю командировки служебной «Волге». С огромным трудом прорвались в министерство, ведь к министру на прием все-таки идут, не к кому-нибудь. Пустили. Заходят в приемную, а там сидят, ждут своей очереди генералы, полковники, директора крупных заводов и прочее начальство. Толик идет прямо к столу миловидной секретарши министра и спрашивает, как им с Васей попасть к министру – Николай Иванычу, он их якобы, ожидает. Девушка-секретарь оторопела от напора такого здорового мужика и спрашивает:

– Как о вас доложить Николаю Ивановичу?

Толик искоса обвел взглядом присутствующих генералов, да директоров, возьми да ляпни:

– Доложите, что прибыл космонавт Береснев и бортинженер Рыжов!

Юное создание еще, больше растерявшись, зашла в кабинет к министру и доложила, как ей сказал мужик этот здоровый, она ведь живых космонавтов никогда не видела. Министр сразу понял, кто к нему пожаловал, усмехнулся шутке Толика и сказал ей:

– Пусть зайдут без очереди.

Та вышла и пригласила зайти Береснева и Рыжова. Присутствующие сидят, не ропщут – «Может и правда космонавты?». Эти два чудака зашли в кабинет министра, Толик сразу из-за пазухи достал две бутылки самогона и на стол. Министр сообразил, что к чему, друга обижать не стал, да и вечер уже, рабочему дню вроде бы как конец. Он по селектору секретарше и говорит:

– На сегодняшний день прием закончен. Все встречи перенесите на завтра, ко мне в кабинет никого не пускать!

Министр быстренько сообразил, какую-никакую закуску из холодильника, там рюмочки-бокальчики и прочее. Хряпнули по паре рюмок, пошел разговор про охоту и рыбалку. Хорошо посидели часа полтора, так и выпили за разговором Толика самогон. Пора расставаться. Пожали руки, по-дружески обнялись. Береснев с Рыжовым выходят в приемную, а там фотокорреспонденты вспышками щелкают, телевидение снимает, к обоим узнаваемые люди из телевизора с микрофонами лезут. Толик с Васей оторопели, а что делать не знают. Растолкали всех и бежать! Быстро в машину прыгнули и водителю говорят испугано: «Гони домой, что есть мочи!». Дело к ночи, из Москвы выехали быстро. Километров сто отъехали, немного успокоились, даже стали секретаршу ругать, мол, дурочка малолетняя, собрала целую пресс-конференцию по глупости своей, совсем шуток не понимает. Тут звонок по «Алтаю», телефон такой, который в то время в служебных машинах начальства ставили. Говорят: «Звонок из приемной первого секретаря райкома КПСС. Бересневу и Рыжову по приезду на место, срочно прибыть в кабинет первого секретаря!».

– Ну, все! Попали!– сделал вывод Рыжов.

Береснев и его зам приехали в райцентр, вошли в здание райкома партии. Кругом никого, только в приемной главного начальника свет горит. С трепетом открывают дверь кабинета первого секретаря райкома, заходят. Несмотря на глубокую ночь, за столом сидит «Первый», и видно злой, как собака. Толик дрожащим голосом говорит:

– Вы нас в-вызывали. М-мы Береснев и Рыжов.

Тот резко, переходя на крик, отвечает:

– Выйдете! Войдите и доложите, как положено!

Бедолаги эти вышли, открывают дверь, снова заходят, Толик говорит, уже совсем поникшим голосом:

– Вы же нас сами вызывали, как нам нужно доложить?

– Доложите, как положено!– сурово произнес «Первый».– «Космонавт Береснев и бортинженер Рыжов – прибыли!». Вас же так теперь принято называть?

– Извините, товарищ «Первый»,– промямлил Рыжов. – Оно у товарища Береснева както само получилось.

– Да, простите. Всякое ведь бывает,– униженно добавил Толик.

– Вон отсюда пошли! – снова закричал «Первый».– Чтобы глаза мои вас больше не видели! Вы у нас больше не работаете.

Так и закончилась «блестящая» карьера Береснева. Как бы в насмешку, через день перевели Толика начальником кладбища в областной центр, а Васю Рыжова назначили директором районного морга. А что делать? Времена тогда были суровые, не поспоришь. Загрустил Толя, запил горькую. Семьи то нет, поддержать некому, не на кого опереться, а все друзья бывшие растворились, как весенний снег. Вот и стал он глушить ежедневно бутылки по три водяры, мужик то крепкий. Часто выпьет и за руль, «Волга» у него была своя, «двадцатьчетверка». Однажды поехал пьяный за рулем, ну и въехал в стадо коров, которых через дорогу перегоняли. «Двадцатьчетверка» его всмятку, и еще шесть коров положил насмерть. Ехал, видать, не медленно. У него права, естественно, отобрали, причем главный гаишник кричал своим замам: «Отобрать права у Береснева пожизненно!», а заодно, турнули Толика и с кладбища

на все четыре стороны. Так и пропал мужик. Говорили, что с бомжами его видели, а потом дружки эти его и прибили из-за какой-то ерунды. А была бы жена, так глядишь и поднялся бы. А то и в историю ту министерскую не попал бы. У Васи вон Рыжова – жена, да трое детей. Поработал он в морге полгодика, потерпел, а потом его на должность Береснева и поставили, чего грамотными специалистами разбрасываться?

– Да. Серега! Вот, значит, ты мне какую судьбу предрекаешь?– полушутливо произнес Малета.

– Ты, Сергеич, не обижайся. Я тебя предостеречь хочу. Ты же уже пошел по наклонной плоскости. Был замгубернатора, а теперь кто? Безработный.

– Не переживай, Серега, не запью. Я же не ваш брат – мотоциклист. Все у меня хорошо будет.

– Ну, гляди. Мое дело предупредить по-дружески.

– Сергей, хватит чепуху всякую болтать. Посмотри ночь уже, нам с тобой завтра на работу, пошли спать. Это Малете некуда торопиться – он же безработный,– в свойственной ему, шутливой манере, прервал беседу Петровский.

Желтов и Петровский пошли спать, под видом того, что им завтра на работу, а Петру Сергеевичу в одиночку пришлось производить уборку со стола и мыть посуду. Очень уж он любил порядок, да и Екатерина утром зайдет, а у них тут как у свиней в свинарнике. Б-р-р! Некрасиво будет.

Утром следующего дня жизнь пошла своим чередом: Катя забрала Желтка, Петр и Николай позавтракали, слегка опохмелились и разошлись по своим делам. Петровский отправился на работу, а Петр поехал на такси к Анне. Она позвонила по телефону и попросила приехать помочь Виктору и Антону что-то подремонтировать на даче. Петр охотно согласился.

– 4 –

Не прошло и двух недель, как Малета, после недолгого собеседования с руководством, приступил к работе на новой должности в качестве директора исторического архива. Работа, вопреки его ожиданиям, действительно оказалась не самая простая. Несколько разбросанных по городу хранилищ, обязательное участие в различных семинарах и комиссиях, плохо решаемые вопросы с ремонтом помещений и реставрацией документов. Много времени отнимала работа по организации систематизации и учета документов. В конечном итоге, рабочие дни нового директор архива были насыщенными и пролетали незаметно. Одно обстоятельство не нравилось Малете на новом месте работы. Он привык жить с размахом, не считая тратить деньги, а в архивном деле с левыми доходами была явная проблема. Жить же на одну зарплату Петр Сергеевич не только не привык, но и считал это унизительным для себя. К тому же, его былые сбережения довольно быстро таяли, а новых поступлений, в ближайшее время, не предвиделось. По крайней мере, новый «архивариус» не видел их предполагаемого источника. О своих опасениях Петр Сергеевич, по вполне понятным причинам, ни с кем говорить не мог. Впрочем, имелось одно исключение из этого правила – Николай Павлович Петровский, который, по сути, его на это место и устроил. Они часто встречались, Петровский заходил в архив по служебной надобности и один или два раза в неделю обязательно виделся с директором архива. Во время очередной такой встречи, Малета сказал профессору:

– Слушай, Николай Палыч, а как вы вообще здесь выживаете, в вашем вымышленном мире. Что, только на выделяемые государством средства, в пределах вашей зарплаты?

– Да, Петр Сергеич, большинство в нашем ведомстве живут в этих, и только в этих пределах. Многие даже не задумываются о том, что существует какой-то вариант побочного заработка, да и не ищет его почти никто.

– Так! Вот что стоит за этим словом «почти», мне очень интересно.

– Почти все работники науки и культуры не являются бизнесменами, за редким исключением. К этим исключениям относятся или чиновники от культуры, кем собственно ты и был

в свое время, или люди, имеющие «деловую жилку», склонные к предпринимательству. Но их в сфере истории и культуры мало, почти нет. Основная же масса работников нашей сферы деятельности, даже имея в руках возможный источник заработка, не может на практике этим воспользоваться. Тут ведь надо еще и закон не нарушить или так его нарушить, чтобы никто и никогда об этом не догадался и не узнал, – пояснил Петровский.

– Коля, а ты можешь привести примеры таких случаев, когда ваши служащие что-то подобное «держали в руках».

– Далеко ходить не надо. Не позже, как на прошлой неделе, я держал в собственных руках весьма интересный старинный документ, в котором возможно говорится о спрятанных в начале четырнадцатого века сокровищах. Но ведь я, умудренный опытом профессор истории, не буду, как мальчишка, бегать по Европе в поисках мифических сокровищ.

– Вот и зря, это очень интересное и увлекательное занятие,– заерзал в кресле Малета.– А что это за документ и о чем там говорится7

– В 1698 году, если мне не изменяет память,– начал рассказ профессор, – один из сподвижников Петра I, граф Борис Петрович Шереметьев с частным визитом посетил остров Мальту, который был в то время, и остается по сей день, последним оплотом основанного в средние века рыцарско – монашеского ордена иоаннитов, или, как их еще зовут – госпитальеров. Сейчас этот древний орден известен как Мальтийский орден. Собственно, и назван он так в честь своего последнего пристанища – острова Мальта. Так вот, во время визита, графу Шереметьеву были переданы в знак дружбы богатые дары от имени ордена. Одним из этих подарков был рыцарский меч, причем, это был реальный рыцарский меч, выкованный еще в тринадцатом веке. С тех пор эти дары находились или в Зимнем дворце или, позже, в Михайловском замке в Санкт-Петербурге. Меч этот я видел своими глазами в Эрмитаже. Он представляет собой довольно изысканную, по тем временам, работу. Клинок его сделан из отполированной великолепной стали, а рукоятка весьма искусно отлита и инкрустирована драгоценными камнями. В тоже время, меч этот имел довольно-таки странные для Мальтийского ордена особенности. Во-первых, на клинке была выгравирована надпись «Militaris templi», а во-вторых, эта надпись с двух сторон венчалась восьмиконечными крестами, по своей форме не совсем характерными для ордена иоанитов. Это символы, которые были ближе к соперничавшему в двенадцатом – тринадцатом веках с госпитальерами ордену Храма или, как их позже называли на французский манер – тамплиерами.

– А в чем парадокс-то? – уточнил Малета.– Ну, попал этот меч как-то к этим госпитальерам, ну и попал. Может в сражении как трофей достался. Ну, подарили его Шереметьеву, да и что? Что было тогда под рукой, чего не жалко, то и подарили.

– На первый взгляд, оно все так, и ты прав. Но, во-первых, госпитальеры и тамплиеры никогда друг с другом не сражались. Они были соперниками, но не врагами и скорее поддерживали друг друга, чем враждовали. А главное, не так давно было принято решение отправить этот меч на реставрацию, как-то он потускнел от времени за семьсот – то лет. Реставраторы обратили внимание на странную особенность в соотношении весов меча. Обычно их выковывали таким образом, чтобы рукоятка являлась как бы противовесом мощного и тяжелого клинка, то есть мастер, выковывая меч, строго выдерживал правила соотношения весов клинка и рукоятки. Ты, Петр, понимаешь, о чем я говорю?

– Конечно, понимаю. Они выковывали мечи таким образом, чтобы клинок не был слишком тяжел для рукоятки, то есть его было бы сложнее выбить из рук рыцаря.

– Абсолютно верно! Так вот, у этого меча, рукоятка оказалась необычайно легкой по отношению к клинку. Когда просветили рентгеном, оказалось, что рукоятка полая внутри. Причем, она была не просто, полой, а еще и разборной. Из всего этого был сделан вывод, что этот меч не предназначался для битвы, а служил каким-то другим целям.

– Каким таким другим целям?

– Да разным. Там мог быть какой-то ядовитый газ или просто яд в порошке, а может быть, меч служил секретным хранилищем драгоценностей или документов.

– Ну да! Верно! И что же оказалось в итоге?

– Было принято решение, соблюдая все предосторожности, разобрать рукоятку меча. Разобрали, а в ней нашли старинное письмо и карту. Оба документа были написаны на французском языке, а письмо было подписано командором Жераром де Вилье. Можно было разобрать и еще одно имя – Рено де Суассон. Я покопался в своих книгах и справочниках и выяснил следующее:

Жерар де Вилье – это последний командор Парижа тамплиеров в начале четырнадцатого века, то есть начальник парижского представительства ордена. Причем, не ордена госпитальеров, а именно тамплиеров, чьи символы и были на мече. Маркиз Рено де Суассон в начале четырнадцатого века управлял кипрским отделением этого же ордена.

– Это, конечно, все очень интересно, Палыч, но что в том письме- то написано было и что там за карта находилась?

– Ах! Да! Я немного отвлекся от сути. Так вот, письмо мы, конечно, перевели, и содержалось там примерно следующее:

На севере Кипра, за киренийским горным хребтом есть старинная крепость, перестроенная владыками Кипра де Лузиньянами. Указателем пути вам будет гора с пятью вершинами. Затем увидишь перевал, а за ним саму Кирению. Крепость эта, по виду, неправильный четырехугольник. По углам четырехугольника – бастионы. Найди бастион, где рядом церковь Святого Георга. Войди в нее, отсчитай десять камней на полу церкви. От последнего, отсчитай еще шесть камней на восток. Под седьмым найдешь тайник, в котором будет путь к последним сокровищам магистра ордена Храма. Писано командором Жераром де Вилье. Заложено при помощи маркиза Рено де Суассона 12 августа 1313 года от рождества Христова. На карте начертан путь от Амохостоса до киренийской крепости.

Вот, запомнил почти дословно!

– Молодец! А что за Амохостос такой? Я не слышал названия такого города на Кипре,– заинтересовался рассказом друга Малета.

– Это греческое название теперешнего города Фамагусты, города в 1974 году, захваченного турками. Впрочем город Кирения , ныне на турецкий лад – Гирне, также был захвачен турками. Невозможно сказать, что там за семьсот лет сохранилось, в этой крепости, если она вообще существует, да, тем более в церкви Святого Георгия. Я, так понимаю, что церковь эта была католической, а на Кипре, если я ничего не путаю, религия православная, а турки, в чьей власти сейчас находится эта территория, вообще мусульмане. В общем, как в той поговорке, полный хаос…, – пояснил Петровский.

– В какой поговорке?

– Хаос – это когда иудеи объясняют буддистам, зачем католики защищают мусульман от православных!

– Да, смешно! Ну а если ничего непонятно, нужно кого-нибудь послать в этот Гирне, тогда все и станет ясно, – предложил Петр Сергеевич,– только я не очень понял, что за сокровища имеются в виду? И кто это вообще такие тамплиеры или госпитальеры. Ты, Коля, мне проясни, чтобы я не выглядел полным профаном в этой области знаний.

– Про госпитальеров или мальтийцев я тебе уже сказал. Единственное, что надо добавить – этот орден был основан в Иерусалиме, очень давно, еще в четвертом веке нашей эры и первоначально ставил своей целью – лечение паломников, прибывавших в Святую землю поклониться гробу Господню. Орден храма появился гораздо позже, предположительно, после первого крестового похода, то есть где-то в конце одиннадцатого, в начале двенадцатого веков. Два рыцаря с юга Франции Гуго де Пейн и его товарищ Годфруа де Сент-Омер при содействии тогдашнего Иерусалимского короля Болдуина II, создали рыцарское братство для охраны

паломников на их пути от порта Яффа до Иерусалима. Иерусалимский король поселил их близ храма Господня, в здании бывшей мечети Аль-Акса, стоявшей на месте легендарного храма царя Соломона. Это место и дало им название – «орден Храма» или храмовники, а по-французски – «тамплиеры». Уже через несколько лет, это была мощная военная сила. Орден, где рыцари не были пострижены в монахи, а были, как бы, рыцарями и монахами в одном лице. Орден был мощной военной силой, но местного значения, так как в отличие от госпитальеров они не имели признания римской курии, считай – папы Римского. Только в 1128 году, когда к ордену присоединился герой первого крестового похода Гуго Шампанский, орден был «официально зарегистрирован» во французском городе Труа, а его магистром стал Гуго де Пейн. Гуго же, Шампанский, передал ордену все свое огромное состояние и явился фактически связующим звеном иерусалимского рыцарского ордена с просвещенной Европой. С легкой руки монахов, во главе с Римским папой, был создан орден, фактически с рабскими внутренними порядками. Сейчас бы сказали – создали секту. Вступавший в орден давал три обета: послушания, бедности и целомудрия. Он должен был все принадлежащее ему имущество и деньги передать в орден, и даже нахождение у тамплиера денег или золота после его смерти приравнивалось к греху самоубийства. То есть, он лишался всех христианских посмертных привилегий и почестей. Любое прикосновение к женщине, даже к своей матери, объявлялось преступлением. Разрешалось поклоняться только деве Марии. Члены ордена разделялись в зависимости от происхождения на рыцарей и сержантов, причем, рыцарям было позволено иметь одного или, по специальному разрешению магистра, двух оруженосцев. В специальном реестре было расписано, сколькими лошадьми могли владеть братья – рыцари, какие доспехи и вооружение могли иметь и, даже, какую кухонную утварь они могли использовать. Те же правила касались имущества и вооружения сержантов.

К началу тринадцатого века орден вырос до неимоверных размеров. Имелись огромные территориальные владения во Франции, Англии, Ирландии, Кастилии, Арагоне, Каталонии, в Португалии, Италии, в Венгрии и во многих других странах. Размеры замков и их архитектурное совершенство для средних веков, поражали простых людей. В каждой стране или на крупной территории, у ордена имелся провинциальный магистр, а также собственные органы управления и суда. Эти территории назывались командорствами. Такая разветвленная сеть командорств и огромные финансовые средства, находившиеся в их ведении, позволяли ордену, впервые в истории, ввести банковскую финансовую систему, основанную на выкупе и продаже ценных бумаг или расписок ордена. Учитывая, что в то время было большое количество разбойников и грабителей на дорогах, финансовая система ордена пользовалась огромной популярностью и была широко востребована.

– Как это? – попросил уточнить Малета.

– Например, если парижанину нужно было поехать, скажем, в Бордо за каким-то товаром, скажем, за хорошим вином. Он приходил в парижский «Тампль» и получал в обмен на свои деньги кодированную ценную бумагу или именную расписку орденского чиновника. Приехав в Бордо налегке, без денег, а значит и без риска, парижанин приходил в здание местного командорства и обменивал выданную ему в Париже бумагу на свои деньги, за вычетом определенного процента за услугу, примерно, как и в наши дни. Здорово?

– Здорово для таких далеких времен! – согласился Петр Сергеевич.

– В XVI – XVII веках ходили упорные слухи о том, что тамплиеры первыми добрались до берегов Америки и, держа в тайне это открытие, потихоньку вывозили оттуда золото и серебро. В XII – XIII веках Европу буквально наводнило серебро, хотя ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии не было своих серебряных рудников. С целью наибольшей секретности и удобства плавания тамплиерами даже был построен порт Ла-Рошель в самой западной части Франции. Оттуда, по всей видимости, и осуществлялись секретные плавания на Американский континент и обратно. С целью осуществления далеких плаваний, тамплиерами были куплены и

внедрены все навигационные новинки того времени, включая тайно используемый еще с конца XIII века, косой парус, позволявший плавать кораблям против ветра.

Имея такие богатства, командорства ордена Храма одалживали крупные суммы денег, естественно под залог имущества, аристократам разных стран и, в том числе, королевским династиям. Одним из самых крупных заемщиков у ордена был французский королевский двор. Это храмовников, в конечном итоге, и сгубило. Учитывая успехи ордена в коммерческой и финансовой сфере, надо признать, что это была в первую очередь военная организация. Рыцари ордена героически сражались практически во всех тогдашних битвах крестоносцев и на Святой земле и в Египте. В начале XIV века, когда только слепой не видел, что французский король Филипп IV красивый готовил захват орденских богатств, Великий магистр ордена Жак де Моле упорно вел переговоры об очередном крестовом походе на Святую землю и ставил целью захват Иерусалима. Вот, примерно к этому времени и относится найденное нами письмо, то есть ко времени заката славной истории рыцарско-монашеского ордена Храма.

Ну а вообще, необходимо тщательно проверить подлинность найденного письма командора де Вилье, проштудировать его личную историю и потом, если письмо окажется подлинным, обращаться к археологам на Кипре.

– Подлинность найденного письма, конечно, нужно проверить, а можно ли пока не беспокоить уважаемых кипрских или там каких-нибудь других археологов?

– Почему не беспокоить? Это же их работа.

– Ну и пусть себе работают, а мы сначала выясним – что там спрятано в этой крепости, а тогда уже, возможно, и побеспокоим археологов,– настаивал Малета.

Профессор смотрел на него удивленным взглядом, не понимая хода рассуждений Петра.

– Петр, но это же – не совсем законно и как ты себе представляешь неофициальные раскопки на территории чужого государства?

– А я не предлагаю никаких раскопок, я предлагаю поехать на Кипр и посмотреть на эту крепость, может быть, она уже не сохранилась. Не войдя в воду, ног не замочишь, – не унимался Петр Сергеевич,– Надо просто поехать и проверить, что находится в этой крепости. Просто посмотреть!

– А кто поедет,– наконец «сдался» профессор,– я не могу, у меня работы по горло, ты тоже не можешь, ты только что устроился в архив и отпуск тебе не положен.

– У меня есть хорошая кандидатура,– прервал рассуждения профессора Малета,– мой племянник – Антон. Он студент и сейчас на каникулах. Пусть «берет» свою любовь Лену и отдохнут недельку, другую на Кипре. За одно, доедут до крепости этой и посмотрят, что там находится. Пофотографируют. Путевку я им оплачу, как раз сестру порадую, да и Антону я как-то последнее время на День рождения подарков не дарил. Я завтра созвонюсь с Анной и Антоном и, думаю, мы быстренько все решим.

– Вот и славно, согласился Николай Павлович, довольный тем, что ему не нужно участвовать в принятии решения и переговорах с Анной и Антоном,– если все у тебя получится, соберемся все вместе, обмозгуем ситуацию, проинструктируем молодежь.

– 5 –

Бенедетто Каэтани стоял на балконе своего дворца в Ананьи – небольшом городке, расположенном чуть южнее Рима. Весь его вид, выражение лица, осанка, мимика указывали, что он является аристократом высокого ранга. Действительно, так уж сложилось в XIII –начале XIV веков, что Римскими папами становились, как правило, кардиналы, происходившие из богатых и могущественных семей, таких как Сеньи или Каэтани. Одним из немногих исключений было избрание папой малограмотного неаполитанского отшельника Целестина V, отличавшегося крайней наивностью, некомпетентностью и невежественностью. Именно его и сменил на посту Римского папы Бенедетто Каэтани, взяв себе имя Бонифация VIII.

Он стоял на балконе, озирая окрестности, он вспоминал, как ему приходилось тяжело бороться с английским и французским королями за претворение в жизнь своей идеи – всем миром должен распоряжаться глава Ватикана и католической веры. Особенно сильное сопротивление в осуществлении этой идеи ему оказывал Филипп IV, прозванный «красивым» – король Франции. В 1296 году их противостояние чуть не достигло открытого конфликта, когда Бонифаций вынес жесткий запрет светским властям взимать налоги с церковных доходов. В ответ Филипп наложил эмбарго на вывоз любых денежных средств из Франции в Римскую курию. Папе не оставалось ничего другого, как пойти на попятную, а свое примирение с французским монархом закрепить, официально провозгласив Людовика IX, деда Филиппа IV, святым. Правда, с этого времени, Бонифаций VIII прочно захватил инициативу и, казалось, что скоро вся Вселенная окажется под властью римского понтифика. 1300 год стал самым значительным за время его правления. Он одержал победу над своими врагами – строптивым семейством Колонна, приказав разрушить их замки. Он был в шаге от триумфа на востоке – организации нового крестового похода и возвращения христианам Иерусалима с помощью монголов. В честь тринадцативекового юбилея Христа, папа пообещал отпущение грехов всем католикам, которые посетят собор святых Петра и Павла в Риме и покаются. Это была яркая демонстрация владычества Ватикана со времен организации первого крестового похода двести лет назад. На призыв Бонифация откликнулось более двухсот тысяч богомольцев. Их толпы были столь многочисленны, что в стене Ватикана пришлось сделать дополнительный проем. Ликующий папа предстал перед паломниками, сидящим на троне с мечом и скипетром в руках и короной на голове. Он провозгласил: « Я – цезарь!».

И вот, два года спустя, он стоит на балконе своего дворца в Ананьи и размышляет, как ему погасить пожар, который с новой силой разгорелся между ним и Филиппом IV, королем Франции. Филипп невиданным образом подорвал папский авторитет, арестовав и подвергнув пыткам Памьерского епископа Бернара Сиссе за его язвительные замечания в адрес французского короля. В ответ Бонифаций собрал в Риме тридцать девять католических прелатов и призвал короля признать свои ошибки. Видя, что Филипп не прислушался к его призывам, папа Бонифаций VIII заготовил специальную буллу об отлучении французского короля от церкви, что являлось в те времена, сродни смертной казни. И вот теперь, папа ожидал реакцию французского короля в форме покаяния, предвосхищая свою победу над ним.

У входа во дворец папа услышал какой-то грохот и громкие мужские голоса. Через несколько минут в кабинет папы вбежал один из его секретарей.

– Ваше высокопреосвященство, дворец захвачен французскими солдатами и людьми семьи Колонна. Они сказали, что хотят Вас вывезти во Францию и там судить.

Ни один мускул не дрогнул на лице понтифика.

– А что делает моя охрана?– возмущенно спросил Бонифаций.

– Мы располагаем лишь «декоративной» охраной дворца. Она состоит из горстки рыцарей ордена Храма и ордена иоаннитов. Никто ведь не мог ждать нападения на наместника бога на Земле, еще и в его резиденции.

– Иди и скажи им,– заговорил властным тоном папа, приняв гордую позу, не требующую возражений,– что я выйду к ним через несколько минут. Пусть ожидают меня в зале для приемов. Проводи их туда.

Секретарь вышел. Не успел Бонифаций VIII облачиться в полные папские регалии, как со стуком отлетела выбитая ногой дверь и, в кабинет папы ворвался отряд французских солдат. С ними были представители семейства Колонна – два опальных кардинала и их приятели. Они схватили Бонифация, а один из кардиналов с силой ударил его кулаком по лицу.

– Ты, собака, думал, что победил нас, думал, прошло много времени и мы все позабыли? Нет! Чем дольше ожидание – тем слаще месть!

– Можете меня убить, я от своих взглядов не отступлюсь!– громогласно провозгласил папа,– вот вам моя шея, а вот – голова!

Бонифаций картинно мученически склонил голову. В кабинет последним вошел человек среднего роста, худощавый с резкими, какими-то, выражающими пренебрежение, чертами лица. Он был в наряде, подчеркивающим его рыцарское звание, хотя и в походном его варианте. Бонифаций сразу узнал его – это был Гильом де Ногаре, министр Филиппа IV, с которым папа столкнулся два года назад. Ногаре участвовал в неудачном французском посольстве в Рим. На проявленную Ногаре дерзость, последовала оскорбительная реплика в его адрес Папы Римского Бонифация VIII, предопределившая провал французской миссии. С того момента, Ногаре люто ненавидел Бонифация, а тот уже не сомневался, увидев своего врага, что его участь предрешена.

– Французское королевство намерено препроводить Вас во Францию, для суда по обвинению Вас в ереси, садомии и намерении убить Вашего предшественника Целестина V,– прокурорским тоном провозгласил де Ногаре.

– Я и все здесь присутствующие прекрасно понимают, что все ваши обвинения ложны. Но я хотел бы знать – кто конкретно предъявляет мне эти обвинения.

– Эти обвинения добыты в результате показаний на допросах епископа Сиссе. А обвиняю я Вас от имени короля Франции Филиппа IV.

В это время один из французских офицеров подошел и обратился к Ногаре:

– Месье де Ногаре, горожане Ананьи с гневом восприняли известие о нападении на их земляка и властелина папу Бонифация, они собрались перед дворцом в большом количестве и готовы выломать входную дверь. Как прикажете нам в данной ситуации поступать? Если мы окажем им сопротивление – мы погибли.

– Можем ли мы без столкновения с толпой покинуть дворец? – спросил заметно испуганный Ногаре.

– Мы можем уйти через задний выход дворца, там еще нет защитников папы.

– Уходим!– резко скомандовал де Ногаре, последний раз посмотрел на Бонифация и не решившись причинить ему вред, вышел из кабинета.

Через несколько минут от французов в папском дворце не осталось и следа. Орденские рыцари и секретари папы вышли к горожанам и сказали, что опасность миновала, а французы трусливо сбежали. В толпе пронесся гул одобрения, и народ стал расходиться по своим делам, бурно обсуждая невиданное событие, равное которому христианский мир еще не знал – нападение на папу Римского в его собственной резиденции. Приближенные папы Бонифация застали его в состоянии прострации, а на вопрос «Не ранен ли он и как он себя чувствует?», папа только повторял:

– Невиданное кощунство, невиданное. Они подняли руку на наместника божьего. Они опозорили папскую тиару. Невиданное кощунство!

На следующий день его перевезли в Рим, но и там от перенесенного унижения он из состояния помутнения рассудка не вышел. Через четыре недели, так и не придя в себя, папа Бонифаций VIII скончался. Вместе с ним угасли и надежды на всемирное торжество Римско-католической церкви.

Надругательство над главой католической церкви, произошедшее в Ананьи, вызвало гнев и возмущение всей просвещенной Европы. Знаменитый Данте Алигьери, автор «Божественной комедии», который вообще-то недолюбливал Бонифация VIII, сравнил это преступление по его значимости, с распятием самого Христа. Потрясенный святотатством, церковный конклав, собравшийся на выборы нового папы, отлучил от церкви двух кардиналов из семейства Колонна, отказавшись даже выслушать их оправдания. Все ждали, какое наказание понесет канцлер Франции и хранитель королевской печати Гильом де Ногаре. Время шло, а реакции

на действия Ногаре со стороны французского короля не наблюдалось. Ногаре, наоборот, еще больше усилил свое влияние при дворе и к его советам, более всего, прислушивался король.

О происхождении и первых годах жизни Гильома де Ногаре известно немного. Ходили слухи о том, что его родители и семь ближайших родственников были сожжены на костре как еретики. Скорее всего, это были просто слухи, но именно на его родине, в городке Сен-Феликс-де-Караман близ Тулузы, был центр еретиков – катаров. Против катаров в XIII веке был даже организован крестовый поход, в результате которого их и уничтожили. Ногаре же везде старался проявить себя страстным защитником веры и святой матери – церкви. Профессор права в Монпелье, судья в Бокере и наконец, приглашение в Париж, в королевский Совет. В пасхальный день 1299 года король Филипп IV, почему-то благоволивший ему, посвятил де Ногаре в рыцари. В 1302 году началась война Франции с Фландрией. Эта война за территорию велась не столько с самой Фландрией, а скорее с давним соперником Филиппа английским королем Эдуардом I, который поддерживал непокорную Фландрию и оружием и деньгами. В июле того же года произошло крупное сражение при Куртре, в котором французы были наголову разбиты. Там погиб королевский канцлер и хранитель королевской печати Пьер Флотт. Гильом де Ногаре, как многими и ожидалось, заступил на его место. Примерно в это время король Франции и поручил ему весьма щекотливую миссию тайного ареста и незаконного вывоза из Ананьи Римского папы Бонифация VIII. Во многом по совету Ногаре, Филипп IV приложил огромные усилия к тому, чтобы место Бонифация VIII занял папа, во всем бы подчинявшийся воле французского короля. В результате, как-то неожиданно и сомнительно скончался, как говорили официальные источники – от дизентерии, избранный вместо Бонифация папой, кардинал Никколо Боккасино.

В июне 1305 года, благодаря финансовым вливаниям Франции, десять из пятнадцати кардиналов остановили свой выбор на французском архиепископе из Бордо Бертране де Го. Приняв имя Климента V, Бертран де Го, несомненно, понимал, что своему восхождению на Римский трон он обязан не столько личным качествам, сколько огромному влиянию на выборы папы французского короля Филиппа IV, который имел все основания рассчитывать, что новый папа будет послушно выполнять его распоряжения. В глазах же итальянцев, Климент V был лишь жалкой марионеткой французского короля. Новый понтифик ни разу не пересекал Альпы, то есть никогда не был в Риме. После его избрания папой Римским, он выбрал местом своей резиденции французский Авиньон. Этот город формально не входил в юрисдикцию Филиппа IV, но он не перестал от этого быть французским.

Финансы французского королевства находились в совершенно бедственном положении. Военные действия во Фландрии потребовали огромных расходов, которые опустошили казну. К тому же, существовали обязательства поддерживать Папскую курию в ее борьбе против Арагонского королевства. Эти обязательства достались Филиппу в наследство от покойного отца. Король использовал любую возможность пополнить государственную казну. Были до предела повышены феодальные пошлины и налоги с городов, которые, порой, приходилось выбивать с помощью военной силы. Когда все законные и доступные источники были исчерпаны, советники короля во главе с Ногаре обратили его внимание на весьма обеспеченные, но непопулярные в народе, национальные меньшинства. Первыми пострадали, осевшие в Париже, ломбардские купцы, которые еще недавно снабжали короля деньгами в счет сбора будущих податей. Купцы подчистую выгребали у французов все деньги, имущество и продукты в счет долгов по налогам, что вызывало возмущение и гнев населения. Этим и воспользовались королевские чиновники, изъяв у ломбардцев, в свою очередь, все деньги и часть имущества, после чего изгнали их из Франции. Вскоре та же участь постигла и французских евреев – ростовщиков. У них изъяли вообще все имущество, «гуманно» оставив незначительные средства для того, чтобы те могли покинуть страну. В качестве другого хитроумного способа получения дополнительных доходов королю предложили уменьшить вес имевшихся в ходу золотых и серебря-

ных монет – ливров, су и денье. В результате к 1306 году королевский монетный двор снизил реальную стоимость всех, находившихся в обороте денег. К этому времени монеты «похудели» на две трети, что вызвало в столице страны бунт, от которого Филипп IV укрывался в резиденции тамплиеров, в парижском Тампле. Все, и в первую очередь, главные рыцари ордена Храма понимали, что они находятся под огромной угрозой, так как именно они являются самыми крупными кредиторами короля Франции. Другие кредиторы короля, ломбардцы и евреи, были уже уничтожены. К тому же, по доходившим до храмовников слухам, де Ногаре просто дрожал от алчности, когда разговор заходил об огромных богатствах тамплиеров.

В октябре 1306 года в Парижском Тампле состоялось высокое собрание командоров ордена Храма. Его должен был возглавить только что прибывший с Кипра Великий магистр ордена Жак де Моле. На собрании присутствовали Гуго де Перо – командор Франции, Жофруа де Шарне – командор Нормандии, Умбер Блан – командор Оверни, Уильям де Ла Мор – магистр Англии, Жерар де Вилье – командор Парижа, Гильом де Шарбонье – командор Креси и еще несколько рыцарей парижского командорства. Все собравшиеся, в ожидании прибытия Великого магистра, бурно обсуждали последние события. Многие из присутствующих принимали участие в обороне последнего оплота христиан на Святой земле – порта Аккры, многие участвовали в обороне острова Руад, а также в последнем сражении во Фландрии. Но больше всего присутствующих беспокоили не сражения и войны, а последние действия французского короля Филиппа Красивого.

– Вы слышали, братья, что казна французского короля опять пуста,– говорил Гуго де Перо,– я знаю это не понаслышке, так как до последнего времени, эта казна хранилась здесь, в Тампле.

Слово взял нормандец де Шарне:

– Я предполагаю, что с большой вероятностью, может быть организовано посягательство на имущество нашего ордена. Ходят упорные слухи, что два королевских выкормыша де Ногаре и де Плезан усердно работают с некоторыми бывшими представителями нашего ордена.

– Называйте вещи своими именами, брат де Шарне. Не с представителями, а с предателями! Что это за люди?– спросил де Ла Мор.

– Один из них, вроде бы земляк Ногаре, гасконец, какой-то Эскиус и еще кто-то из Гисора.

– Мы что не можем достать их раньше Ногаре,– возмутился Гильом де Шарбонье.

– Боюсь, не сможем,– продолжил де Шарне,– слишком надежно их охраняют эти два королевских прихвостня.

– Да не может быть!– вступил в беседу Умбер Блан,– ведь король только недавно сам прятался от восставших парижан у нас в Тампле. Если эти Ногаре и Плезаны не могут защитить короля, как они могут надежно охранять наших предателей. Да и вообще, не может же король послать на казнь тех, кто недавно спасал его жизнь.

– Этот французский король, воистину, может все. Может и это,– провозгласил де Шарбонье,– а что собственно нам предъявляют? Вы что-нибудь знаете об этом, де Шарне?

– Пытаются обвинить, вроде бы, в ереси, в каких-то богопротивных обрядах при посвящении в члены ордена и еще в какой-то мерзости. С минуты на минуту должен прибыть Великий магистр, думаю, он разъяснит нам ситуацию более подробно.

– Жерар,– обратился де Шарне к парижскому командору и «хозяину» Тампля де Вилье.– А вы, Жерар, что думаете о сложившейся ситуации?

– Я слышал все эти слухи и говорил на эту тему с королем Филиппом. Он меня заверил, что никакой угрозы в наш адрес не существует. Но мне кажется, он кривит душой. Я думаю, он просто пока не принял никакого решения и хочет выждать время.

В этот момент послышались приближающиеся уверенные шаги и через мгновение в зал собраний вошел Великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле. Это был мощный старик,

немногим более шестидесяти лет. Он был высокого роста, крепкого, для своих лет, телосложения. Длинные седые волосы спадали на плечи, спереди высокий лоб подчеркивала небольшая лысина. У него были довольно тонкие, почти аристократические, черты лица, глаза ясные, но немного сдвинутые брови создавали определенную суровость вида. Завершался его портрет длинной и богатой раздвоенной к низу бородой. Наряд его был, как у простого рыцаря ордена – поверх тонкой кольчуги была надета белая, слегка пожелтевшая от времени, туника с большим орденским алым крестом на груди. Подпоясан он был широким ремнем, на котором крепились ножны с довольно-таки массивным мечом. Сверху был наброшен подбитый мехом белый плащ с нашитым на плече еще одним орденским крестом. Жак де Моле был образцом для рыцарей ордена, в котором он состоял уже около сорока лет. Из них двенадцать лет он возглавлял орден, служа в качестве Великого магистра. Все знали его как опытного воина и порядочного человека. Вместе с тем, он отличался каким-то консерватизмом мышления, продвигая в современность старые принципы и понятия. Как большинство рыцарей, того времени, он был неграмотен, а некоторые его меморандумы, причем довольно большие по объему, он просто надиктовывал кому-нибудь из монахов ордена. Вот и в этот раз он начал с того, что высказал свое суждение о поддержке нового Римского папы в его стремлении организовать очередной крестовый поход и с помощью армян из Малой Азии и монгольских ханов, и вновь завоевать Иерусалим. Он полагал это главной целью и смыслом существования своего ордена. Великий магистр продолжал настаивать на наборе под знамена ордена новых рыцарей и вести приготовления к новому броску на Ближний Восток.

– Магистр, насколько я понимаю, завоевания в Святой земле уже не занимают ни английского короля Эдуарда I, ни французского Филиппа IV,– вступил с ним в разговор Гуго де Перо, командор Франции.– Между тем, что Вам известно о слухах, которые распространяются со скоростью молнии, о том, что готовится суд над нашим орденом по обвинению нас в ереси?

– Мне передавали распространяемые измышления по поводу нашего ордена. Не далее, как 1 ноября сего года, то есть в День всех святых, я, вместе с магистром ордена госпитальеров Фулько де Виларе, встречаюсь в Пуатье с папой Климентом V. На этой встрече мы обсудим все обвинения, которые предъявляются нашему ордену, если они действительно имеют место быть. Также, мы поговорим о подготовке нового крестового похода, что, по сути, и является главной целью данного визита. Я думаю,– продолжил он, слегка повысив голос,– что командорам ордена Храма нужно уделять больше времени подготовке готовящегося крестового похода, а не слушать распространяемые разными провокаторами бредни. В то же время, я считаю, что в данной ситуации нельзя рисковать благополучием ордена, но этим должно заниматься ограниченное число братьев, а остальные должны заниматься означенным мною и более важным делом.

– Что Вы предлагаете, магистр? – спросил де Шарне.

– Поскольку нам известно, что основная опасность исходит от французского короля, я предлагаю собрать максимально возможное количество ценностей ордена и переправить их в безопасную территорию.

– А какая, по Вашему мнению, территория сейчас является безопасной?– поинтересовался де Ла Мор.– Даже в Англии я не могу гарантировать безопасность. Старый король Эдуард I едва волочит ноги в свои 67 лет. Как поведет себя его молодой приемник, также можно себе представить, учитывая, что он является зятем Филиппа IV, так как женат на его дочери Изабелле. Тем не менее, я сделаю все возможное для сохранности богатств ордена, если Вы посчитаете нужным направить их в Англию или Шотландию.

– Если не Англия, то необходимо найти более надежное место для этого,– попытался закончить разговор на эту тему Великий магистр.

В это время к нему подошел де Вилье и, взяв за рукав, предложил отойти в сторону, чтобы его не услышали остальные.

– У нас сложились прекрасные отношения в Португалии с королем Динишем I. Там имеются великолепно укрепленные замки в Томаре и в Альмоуроле,– полушепотом доложил де Вилье.

– Хотя это и противоречит моим принципам и правилам,– также перейдя на шепот, произнес де Моле,– а также тому, что я не верю в вероломство короля Франции, тем не менее, я считаю, что Ваше предложение об отправке ценностей ордена в Португалию или Англию является разумным шагом.

Тут магистр уже громогласно объявил, обращаясь ко всем присутствующим:

– Назначаю ответственными за сохранность ценностей ордена Гуго де Перо, командора Франции и парижского командора – Жерара де Вилье. Вам необходимо срочно оповестить все французские провинциальные командорства о переправке ценностей в выбранное вами место, скорее всего, в парижский Тампль, и в кратчайшее время провести переговоры с королем Англии, а если понадобится, то и с другими монархами. Нужно подобрать для этой операции необходимое количество надежных людей, лучше из братьев ордена, тайно переправить ценности, обеспечив их сохранность в пути и в месте прибытья. Да поможет нам бог!– заключил свою речь Великий магистр Жак де Моле.

– Мы готовы отдать все силы и саму жизнь для осуществления начертанного Великим магистром плана,– с пафосом, принятым в те далекие времена, в один голос поклялись Гуго де Перо и Жерар де Вилье.

– 6 -

Жак был третьим сыном в могущественной семье де Шаллан. Традиции были таковы, что его старший брат – Жан являлся наследником всего имущества семьи, среднему брату, Бернару, была уготована роль священнослужителя, а третий брат, Жак – был воином-рыцарем. Поскольку в описываемое время воевать было не с кем, он иногда принимал участие в рыцарских турнирах или, вместе со своим другом де Вилье, занимался военными тренировками. Тем самым, большую часть времени он проводил в Париже. Правда, последнее лето и осень он находился в родном городке Аоста, что расположен на южном склоне Альп. Не имея определенных планов, его сюда привели две причины. Во-первых, отец просил его оказать помощь в строительстве нового замка Веррес, который строился на труднодоступной скале в качестве форпоста на земле, служившей источником конфликта с Савойской династией. Это сооружение кубической формы планировалось, в первую очередь, как военный объект и кардинально отличалось от расположенного неподалеку, массивного и многобашенного замка Фенис, резиденции семьи де Шаллан. Учитывая чисто военное назначение строящегося замка, и понадобился для консультаций Жак де Шаллан, с его огромным опытом военных сражений.

Второй причиной, удерживающей молодого рыцаря в родных местах, была юная жительница Аосты Симона, из рода Минарди. Эту восемнадцатилетнюю красавицу Жак встретил в начале лета на одном из праздников, устраиваемых в городке Аоста. Они как-то сразу показались друг другу и вот уже несколько месяцев молодой, двадцатичетырехлетний рыцарь, считает часы до очередной встречи со своей возлюбленной Симоной. Вот и сегодня вечером, они договорились встретиться в городе, у церкви Сант-Орсо. Жаку необходимо было еще отдать распоряжения строителям и приказчикам по поводу приобретения необходимых для строительства материалов и их привозки в новый замок, а потом проскакать более четырех лье до Аосты. Вот после этого, он всей душой окунется в блаженство общения с Симоной, полное любви и страсти.

– Господин, господин,– услышал он голос своего оруженосца Северино,– гонец доставил Вам письмо и сказал, что это очень срочно.

– От кого письмо?

– От командора де Вилье, из Парижа,– подбежал к Жаку запыхавшийся Северино и передал хозяину пакет.

Жак де Шаллан внимательно осмотрел пакет и сургучную печать. Печать представляла собой оттиск с изображением парижского замка – Тампля. Это знак де Вилье, знак парижского командорства ордена храмовников. Жак вскрыл пакет и углубился в чтение. Он был одним из немногих рыцарей, как впрочем, и де Вилье, которые были обучены грамоте. Такие люди считались «на вес золота», ведь даже Великий магистр тамплиеров Жак де Моле не умел ни читать, ни писать. Де Шаллан прочитал содержание письма:

«Дорогой друг, де Шаллан! Обращаюсь к Вам за помощью в очень важном деле, которое не могу доверить бумаге. Приезжайте срочно в Париж. Я буду ждать Вас семь дней. После 5 ноября 1306 года я вынужден буду, к великому моему огорчению, обходиться без Вас. Очень жду Вас, Жак! Благослови Вас Господь! Ваш друг на все времена – Жерар де Вилье».

Жак де Шаллан не входил в члены ордена Храма, как де Вилье, но он не один раз помогал другу в тайных делах ордена и не один раз участвовал в сражениях вместе с Жераром де Вилье. Правда, он никогда не был в Святой земле, но во Франции и во всей Европе хватало вооруженных конфликтов. Не так давно оба рыцаря участвовали в войне во Фландрии, хотя из-за небольшого ранения Жак не смог принять участие в крупном сражении при Куртре, в котором армия французского короля потерпела сокрушительное поражение. Доставленное письмо де Вилье, с одной стороны, нарушало все планы Жака на ближайшее время, а с другой стороны, он этому был даже рад. Слишком уж засиделся он в родных пенатах. Настоящему рыцарю-воину нельзя долго быть без войны, он тогда ржавеет, как лежалая подкова. Правда, как заноза в сердце сидело расставание с возлюбленной Симоной Минарди, но ведь они оба подспудно понимали, что их мирное счастье не может продолжаться слишком долго. Рано или поздно Жака позовут его ратные дела. Жак велел оруженосцу Северино срочно седлать коня и, заехав ненадолго в Фенис, чтобы перекусить и переодеться, он поскакал в Аосту к своей Симоне, задолго до назначенного времени свидания. Перед отъездом Жак дал четкие инструкции Северино по сбору всего необходимого имущества и вооружения в дорогу. В Париже у Жака была своя квартира, поэтому Северино получил распоряжение взять только провизию на время пути и минимум необходимых вещей. Так было нужно сделать, чтобы не обременять себя вьючными лошадьми или мулами, а путешествовать налегке, только на двух верховых лошадях. Примерно, через час, де Шаллан был уже в Аосте и он подъехал прямо к дому Минарди. Это было настолько неожиданно и нетипично для того времени, что вышедшая из дома, ему навстречу Симона, очень растерялась и ее щечки покрылись легким румянцем смущения.

– Жак! Чем вызван Ваш столь неожиданный визит,– поглядывая на высыпавших из дома домочадцев и, в то же время, понимая, что произошло что-то неординарное, спросила Симона. Ведь раньше Жак никогда не приезжал к ее дому, тогда это было не принято.

Жак слез с коня, опустился на одно колено, не стесняясь, взял руку Симоны в свои руки для легкого приветственного поцелуя. Тихонько, чтобы могла слышать только его возлюбленная, произнес:

– Дорогая Симона, мы не сможем сегодня вечером встретиться с тобой у церкви Сант-Орсо. Дело в том, что мне доставили пакет, и я срочно должен выехать в Париж по какому-то очень важному делу.

– Жак! Мне очень жаль!– проговорила Симона, едва сдерживая слезы.

– Ничего, любимая! Я постараюсь быстро вернуться домой, чтобы потом навсегда соединить наши сердца!

– Я буду ждать тебя, Жак! Сколько бы для этого не потребовалось времени.

К молодым влюбленным подошел отец Симоны, поклонился Жаку, как члену уважаемой семьи и пригласил его зайти в дом.

– Я очень благодарен Вам, синьор Минарди за приглашение, но я не могу им воспользоваться, так как через два часа я должен быть уже на пути в Париж.

– Мы всегда рады видеть Вас, сеньор де Шаллан в нашем доме, да и у Вас, как я вижу, к нему притяжение довольно большое, – произнес Минарди, искоса посмотрев на дочь.

Симона прямо зарделась до самых ушей и стояла, скромно опустив голову. Жак поблагодарил сеньора Минарди за теплые слова, еще раз поцеловал руку Симоне, а когда она пошла, проводить его «до калитки», тихонько произнес:

– Жди меня! А я буду любить тебя вечно!

– Я навек Ваша, Жак! Не забывайте меня!– произнесла Симона и не смогла сдержать слез.

Так они и расстались, не зная, когда им судьба позволит встретиться вновь, да и позволит ли встретиться?

По прибытии в замок Фенис, Жак увидел, что Северино исполнил все его распоряжения в наилучшем виде. Их ждали уже полностью подготовленные к дороге жеребцы с заполненными седельными сумками, а Жака ждала в замке его походная амуниция и оружие. Ему осталось только попрощаться с братьями и родителями, выразившими искреннее огорчение по поводу его спешного отъезда. Вскочив на коня, младший из семьи де Шалланов, тронулся в путь. Тут же сделал то же самое, его верный оруженосец Северино.

Путь двум молодым людям предстоял не близкий. Им надо было подняться в горы до перевала, держась, все время, левее горы Монблан, затем спуститься по северному склону Альп и выйти на дорогу, ведущую в город Лион. От Лиона шел уже оживленный тракт на Париж. Вопреки предположениям, никаких серьезных трудностей для двух молодых, но уже опытных и сильных мужчин, этот путь не представил. Уже 3 ноября они въезжали в Париж на своих жеребцах. Прибыв на собственную квартиру, пока Северино выгружал и разбирал вещи, Жак узнал, что его с утра, в таверне напротив, дожидается посыльный от Жерара де Вилье. Де Шаллан перешел улицу, а из таверны вышел человек в черном плаще с нашитым на нем крестом и представился сержантом ордена Храма Лацио Бальбоной.

– Месир де Шаллан, мне поручено проводить Вас в Тампль, столь быстро, как только вы сочтете возможным.

– Сержант, я готов выехать сию же минуту,– последовал ответ молодого рыцаря.

Жак много раз видел массивное семибашенное главное здание парижского Тампля. Четыре огромные круглые башни-бастионы по углам здания. Две башни, также круглые, в длинной части фасада. Все эти башни заканчивались конусообразными куполами-крышами, а в середине строения был еще большой четырехугольный купол центральной части здания. На каждом куполе располагались шпили, на которых развивались треугольные флаги – штандарты ордена. Здание Тампля было очень высокое и, подходя к нему, человек испытывал какой-то неизъяснимый трепет и даже, подчас, непонятный ему страх. Тампль – это не только упомянутое центральное здание, это целый комплекс орденских зданий и строений, обнесенный массивной каменной стеной. Глядя на этого архитектурного монстра, на ум приходит мысль, что если бы было нужно брать его штурмом, то с этой задачей не справилась бы ни одна, даже самая обученная, армия в мире.

Жак никогда не был внутри этой цитадели храмовников, он ведь не являлся членом ордена, поэтому, он испытывал некоторое волнение, впервые входя в это священное для ордена Храма здание. Ему показалось, что вход как-то не очень сочетался с мощью самого здания, так как, вход в здание представлял собой небольшую пристройку, состоящую из деревянного строения с входной дверью и тремя небольшими окнами. Войдя же в эту дверь, Жак увидел еще одну, но уже массивную металлическую дверь, которая могла выдержать любой штурм, и он понял, что это и есть настоящий вход в Тампль.

Командор Жерар де Вилье ожидал его в своем кабинете на втором этаже здания. Он по-приятельски поприветствовал Жака:

– Здравствуй, мой дорогой друг! Как я рад снова тебя видеть! Извини, что посмел отвлечь тебя от домашних дел, но мне, очень нужна твоя помощь.

– Я так же рад видеть тебя, Жерар, в добром здравии!– ответил на приветствие друга де Шаллан,– и хочу заверить, что кроме двух прекрасных глаз, меня в Аосте, поверь, ничего не держало.

– Узнаю старого друга! Ты, как всегда влюблен. Признайся, ведь именно из-за «прекрасных глаз», ты так и не вступил в наше братство?

– Ну, не только из-за них. Есть много причин, по которым я не считаю возможным для себя стать рыцарем ордена Храма. Впрочем, я отношусь с огромным уважением к ордену, а тебя, даже не будучи членом Вашего ордена, я считаю своим братом!– Жак пристально посмотрел на друга и добавил,– можешь смело располагать моим временем, а если понадобится, то и жизнью. Я никогда не предам тебя, а значит и интересов твоего ордена.

Жерар де Вилье, слушая друга, слегка улыбался, радуясь новой встрече с ним. Он был одет в обычный камзол, модный в начале XIV века. На нем были узкие штаны и щегольские сапоги с отворотами. Своим костюмом он, скорее напоминал парижского повесу, чем одного из верховных руководителей рыцарско-монашеского ордена.

– О каком важном деле шла речь в твоем письме, которое мне доставили накануне и из-за которого я спешно прибыл в Париж,– продолжил разговор Жак.– Что могло случиться в столь мирное время, чтобы тебе срочно понадобился боевой рыцарь?

– Ты так критически посмотрел на мой костюм, а между прочим, его наличие объясняется тем, что мне иногда приходится встречаться с нужными мне личностями в довольно-таки людных местах. А этот костюм как раз и не привлекает внимания ни на рынках, ни в тавернах.

– Я по поводу костюма тебе ничего и не говорил. Хороший костюмчик, модный, правда мысль, которую ты озвучил у меня, признаюсь, была. Но, впрочем, продолжай свой рассказ, я слушаю.

– Так вот, мои хорошие знакомые, являющиеся не чужими и в окружении короля Филиппа, сообщают мне, в столь мирное время, как ты сказал, очень не мирные сведения о готовящемся разгроме святого ордена Храма.

– Позволь,– удивился Жак.– Вы же, насколько мне известно, много лет снабжаете французских королей деньгами. У вас превосходный финансовый персонал по всей Европе, а уж парижский Тампль настолько славен, что, как мне говорили, ему даже была доверена королевская казна.

– Ты все правильно говоришь, но наш король при всей его внешней красоте и нравственности, очень коварный человек. К тому же, он окружен негодяями, типа де Ногаре и де Плезана, которые спят и видят, как бы поправить свои финансовые дела за счет нашего ордена.

– Да, но Ногаре ведь недавно чуть сам не лишился головы за совершенное им бесчинство по отношению к папе Бонифацию.

– Я тоже сначала думал, что он будет наказан королем или церковью, но мои агенты докладывают мне, что Гильом де Ногаре не только не пострадал, а в последнее время даже тесно сблизился с Гильомом Парижским.

– Это, насколько я знаю, Верховный или Великий инквизитор?– уточнил Жак.

– Правильно, а кроме этого, он является еще и духовником короля,– продолжал де Вилье. – Кроме этого произошло еще одно событие, которое, по моему мнению, приблизит планируемый разгром ордена.

– Что еще тебе доложили твои агенты?

– В последние годы король Франции пользовался услугами банкиров семейства Франчези. Так вот, они заявили, что исчерпали все свои возможности и находятся на грани разорения. Учитывая то обстоятельство, что де Ногаре уже использовал все возможности пополнения казны, отобрав имущество и деньги у ломбардских купцов и ростовщиков – евреев, королевскую казну неминуемо постигнет новый жесточайший кризис. Средство поправить финансовые дела одно – присвоить ценности и имущество ордена Храма.

– Мне кажется, что ты излишне драматизируешь ситуацию,– возразил де Шаллан,– ведь, чтобы направить какие-нибудь репрессивные меры в сторону ордена, нужно, чтобы эти меры одобрил и благословил сам римский понтифик.

– Ты снова прав, но, по мнению многих, нынешний папа Климент V является ставленником и, по сути, марионеткой Филиппа.

– Не богохульствуй!– предостерег друга де Шаллан.

– Хорошо! По крайней мере, 1 ноября в Пуатье должна была состояться его встреча с нашим Великим магистром де Моле и с Великим магистром госпитальеров. Эта встреча была отменена, якобы по причине болезни папы, а новая дата встречи не назначена.

– Хорошо, я согласен с тобой,– сдался Жак,– действительно существует опасность разорения Вашего ордена со стороны людей короля Франции. Что, по твоему мнению, нужно сделать, чтобы предотвратить это. Ведь ты для этого меня пригласил?

– Каким образом это предотвратить я не представляю. Для этого у нас не хватит ни власти, ни влияния. Я могу тебе доверить тайну ордена? – глядя в глаза де Шаллана, серьезным тоном неожиданно спросил командор Парижа.

– Жерар! По моему, я давно доказал, что мне ты можешь доверить любую тайну, потому что, если я поклялся ее не разглашать, она так со мной и умрет!– немного обиженно отреагировал де Шаллан.

– Ну, не обижайся, дружище. Ты ведь, все-таки, не член нашего ордена.

– Я вашим членам по этой части и по другим тоже могу еще нос утереть!

– Так…! Так…!– успокаивал его командор,– я продолжаю. Высоким собранием ордена принято решение во избежание возможных репрессий, которые могут привести к огромным потерям ордена, собрать находящиеся в собственности французских командорств ценности и переправить их в надежное место для сохранности. По всей видимости, этим местом станет Португальское королевство.

– Почему Португалия?– осведомился Жак.

– Король Диниш I весьма лоялен к нашему ордену. Это человек, умеющий ценить добрые дела, которые мы для него сделали. Кроме того в Португалии имеются укрепленные замки ордена и, вообще, мы в этой стране после реконкисты пользуемся большим авторитетом. Так вот, учитывая твои способности, ум, знания и опыт, мне просто необходимой будет твоя помощь в проведении переговоров с королем Португалии и в организации перевозки и передачи на хранение ценностей ордена на месте.

– О каком количестве этих ценностей идет речь?– уточнил де Шаллан.

– Это огромные богатства, для перевозки которых, я думаю, понадобится около десятка кораблей,– пояснил де Вилье,– это, кстати, еще одна из причин, почему мы выбрали Португалию.

– Почему?

– Потому что, мы можем переправить наш груз морем, а в Лиссабоне корабли зайдут в устье реки Тежу и, мы сможем незаметно перегрузить весь груз на подводы. Но все это нам с тобой еще предстоит проверить и организовать.

– Друг мой! Я всегда готов оказать тебе посильную помощь,– с пафосом, впрочем, весьма характерным для XIV века, провозгласил де Шаллан,– я в полном твоем распоряжении и готов приступить к осуществлению намеченного тобой плана в любое время.

– Я тебе очень за это благодарен. Впрочем, большой спешки нет, мы выезжаем с небольшим отрядом из двадцати рыцарей ордена послезавтра. Так что, у тебя есть время подготовиться. Как там, кстати, поживает твой оруженосец Северино?

– С ним все нормально, Жерар, этот юный плут проворен как всегда. Как ты думаешь, я могу взять его с собой?

– Считаю, этого делать не нужно. В тайну посвящены лишь несколько человек, включая тебя и рисковать, что кто-то посторонний ее узнает, я не могу. Слишком высоки ставки, ведь на кону стоят наши жизни и благосостояние моего ордена.

– Все понятно! Мне, не в первой, обходиться в походе своими силами.

– Поверь мне, Жак,– успокоил его командор,– все, что нам будет необходимо в пути, у нас с тобой будет. К тому же, мы вдвоем поедем в карете, а наши кони будут путешествовать с нами налегке. А сейчас, я хочу пригласить тебя на ужин, а после этого, ты сможешь отдохнуть здесь, в Тампле или в своей квартире, если захочешь.

– Я бы предпочел отправиться домой и дать необходимые поручения Северино по подготовке к путешествию, не объясняя ему, естественно, ни направление похода, ни его цели.

Рыцари с жаром пожали друг другу руки и отправились в зал, где братья-тамплиеры обычно принимали пищу. В этом зале стояли длинные столы со скромными скамьями, а рыцари-храмовники, сидевшие за столами, ужинали, беря кушанья прямо руками, не используя столовых приборов. В зале стояла гнетущая тишина. Никто не разговаривал, слышны были только звуки пережевывания пищи. От таких звуков в огромном зале было как-то неуютно и де Вилье, почувствовав это, распорядился подать им с де Шалланом ужин в отдельный кабинет. Несколько таких комнат-кабинетов было оборудовано вдоль одной из стен трапезного зала. Жак обратил внимание, что блюда, поданные им, были довольно непритязательными, но весьма вкусными. Отварное мясо, овощи, жареные куропатки, свежеиспеченный хлеб, а также моченые яблоки и бургундское вино.

За ужином, де Вилье продолжил разговор:

– Меня очень беспокоит еще одно обстоятельство.

– Какое обстоятельство? – с удовольствием откусывая сочный кусок мяса, заинтересовался Жак.

– Мы должны понимать, что так же как и я имею в окружении де Ногаре своих осведомителей, так же и у Ногаре есть свои люди в нашем ордене. Таким образом, он, а значит и король Франции, знают о приготовлениях, которые мы ведем внутри ордена и, в частности, в Тампле. Исходя из этого, Гуго де Перо, как командор Франции, дал тайные распоряжения во все отделения ордена во Франции сделать местом сбора ценностей, свозимых из провинций, не Тампль, а другое место, ведь шпионы Ногаре будут, скорее всего, находиться именно в Тампле.

– Это вполне разумно с точки зрения секретности и безопасности,– прожевывая очередной кусок, поддержал де Шаллан.

– Да, но беспокоит меня, то обстоятельство, что в распоряжение де Ногаре недавно прибыл некто Роже де Фло.

– Это еще кто?

– Роже де Фло немец, сын сокольничего при дворе императора Фридриха II. Носил фамилию Рихард фон Блюме. Восьмилетним мальчишкой был взят юнгой на галеру тамплиеров в порту Бриндизи. Со временем дослужился до капитана галеры «Сокол». В 1291 году во время штурма Аккры сарацинами, по слухам, повел себя крайне неприлично. На свой корабль брал за деньги, причем за очень большие деньги, женщин с детьми, спасающихся из пылающей Аккры. За это был исключен из ордена, бежал. Долго скрывался, после объявился в Италии, нанялся в Генуе на галеру «Оливетта». Пиратствовал. Причем у него к этому открылся недюженный талант. В 1302 году управлял уже эскадрой пиратских кораблей из тридцати двух судов.

– Ничего себе размах!– изумился Жак.

– Да, к твоему сведению, это около двух с половиной тысяч человек – почти целая армия,– пояснил де Вилье,– так вот, этот негодяй нашел общий язык и с де Ногаре, и с де Плезаном. Я уверен, что именно ему будут поручены все самые грязные тайные операции по захвату ценностей нашего ордена.

– По всей видимости, это серьезный противник, но и мы кое-что умеем. Я думаю этот, как ты там его назвал – де Фло, останется с носом, а мы выполним все, что нам поручено, должным образом.

После этого друзья покончили с ужином и с удовольствием допили бургундское вино. Проследовав назад, в кабинет де Вилье, они приступили к прокладке маршрута следования в Лиссабон. Им предстояло, не обставляя свою миссию особой секретностью, выехать из Парижа 5 ноября, проехать через Орлеан и Блуа в Пуатье. Там, по настоянию Жерара де Вилье, они должны отдохнуть и пообедать, а ему нужно будет по делам ордена встретиться с приором Аквитании и Пуату Жофруа де Жанвиллем. Далее, их путь лежал в Ла-Рошель. Порт, который, по сути, был построен тамплиерами и фактически принадлежал ордену. Там миссию ждала новая небольшая остановка. И снова встреча де Вилье с тамошними братьями-рыцарями и орденскими мореходами. Предстояли беседы с несколькими капитанами кораблей, принадлежащих храмовникам. После этого, проехав через Бордо, их уже ожидали Пиренеи, в которых в это время года на некоторых перевалах уже будет лежать снег. План предусматривал по узкому переходу возле моря, проследовать сразу в Кастилию, минуя Наварру. Это было вызвано не столько опасением посещения Наварры, сколько экономией времени, так как в гостеприимной Наварре они могли задержаться на несколько дней. В Кастилии же, их уже встретят тамошние рыцари-храмовники. На них ложились все организационные вопросы и безопасность путешествия по территории Кастилии и Португалии. Жак де Шаллан был назначен руководителем похода. На его плечи ложились все функции по организации движения, обороны, питания и ночевок. Жерар де Вилье выступал в роли официального представителя ордена Храма. Все сопровождавшие их рыцари считались его личной охраной. Ему же, то есть де Вилье, необходимо было подготовить и провести все намеченные переговоры по пути следования в Португалию.

Заранее и тщательно продуманный план позволил путешественникам спокойно совершить поход вплоть до южных границ французского королевства. По пути следования в Португалию, де Шаллан и де Вилье были заняты каждый своим делом и Жак, практически, не интересовался темами конкретных переговоров, которые проводил парижский командор. По прибытии в Толедо, столицу королевства Кастилия, их план, на этом этапе, был осуществлен полностью. В окрестностях Толедо, по предложению испанских тамплиеров, они пересели на небольшой корабль и довольно быстро добрались до Лиссабона по реке Тахо, которая в Португалии имеет называние Тежу.

Неожиданно для Жака, король Португалии оказался не седым, умудренным опытом и сединами старцем, а молодым, энергичным и весьма симпатичным человеком. Он без церемоний принял командора де Вилье и его спутника де Шаллана в своем королевском дворце. Их переговоры продолжались около двух часов. По их окончании, они условились подписать необходимые командору документы, свидетельствовавшие о патронаже короля Португалии над орденом Храма и гарантировавшие сохранность переправляемых в Португалию сокровищ. Король Диниш I предполагал, что каким бы не было решение тамплиеров и как бы они не распорядились привозимыми в его страну ценностями, часть их все равно останется в Португалии. Понимая это, он и заверил де Вилье, что Португалия готова предложить целый перечень проектов по преумножению средств ордена на территории Португалии. Приоритетом в этих проектах, по словам Диниша I, является развитие морского дела, имея в виду, современное кораблестроение и прокладку новых морских торговых путей. Необыкновенно довольные и приемом и достигнутыми договоренностями Де Вилье и де Шаллан, распрощались с Лиссабоном, по пути провели инспекцию и проверили возможность приема ценностей в португальских замках ордена. Основным, для этой цели, был выбран замок-крепость Альмоурол, так как он был удобно расположен на реке Тежу и, с точки зрения безопасности, казался неприступным.

Домой, во Францию, друзья направились уже в новом, 1307 году.

– 7-

Всю зиму и весну Антон Маврин и его однокурсник и друг Димка Круглов разрабатывали маршрут и «сценарий» их поездки на каникулах в Киргизию, на Тянь-Шань. Это была давняя, еще с первого курса, мечта Антона и Димы. Они по книгам и атласам вдоль и поперек изучили карты Тянь-Шаня, а названия Хан-Тенгри, Мраморная стена, Инильчек, Иссык-Куль, Пяндж или Хорог просто завораживали ребят. Став постарше, они поняли, чтобы штурмовать такие высоты, как Хан-Тенгри, нужно быть почти профессиональным альпинистом и иметь опыт существования в разряженном, обедненном кислородом, высокогорном воздухе. Но в горы тянуло и, учась уже на четвертом курсе университета, они решили собрать единомышленников через Интернет и совершить поездку на Тянь-Шань, больше туристическую, чем спортивно – альпинистскую. Еще одной причиной более мягкого и комфортного путешествия стала, появившаяся в жизни Антона любовь – Лена Федотова. Они учились в одном университете, даже на одном факультете, только на разных отделениях. Так вот и ходили почти три года в один ВУЗ, а друг друга почти не знали. Антон, конечно сразу заметил, что на факультете, на один курс младше, появилась стройная симпатичная блондинка, но «наведя о ней справки» среди студентов, узнал, что эта Лена Федотова, отличница, на вечеринках не «засвечивалась», в клубы ходить не любила. В общем, решил – ботаничка, хотя и очень красивая. Ближе познакомились Антон и Лена гораздо позже. В зимнюю сессию на четвертом курсе Антону нужно было сдавать госэкзамен по химии. Госэкзаменом студенты называли те экзамены по предметам, по которым дальнейшее изучение программой обучения не предусматривалось, то есть оценки за этот экзамен будут прописаны во вкладыше диплома. Такие экзамены были, как правило, самыми трудными, потому что нужно было сдать весь материал по предмету, в данном случае за три с половиной года обучения. С другой стороны, химия – предмет для Антона не профильный и в процессе учебы, он относился к нему как к второстепенному, а следовательно, были частые пропуски лекций, недостаточная подготовка к лабораторным и контрольным работам. Как следствие, частые отработки, то бишь, двойки и их исправление. В конечном итоге, у преподавателей «химических» дисциплин Антон Маврин числился в «глухих» троечниках, без видимых перспектив на улучшение химических знаний. Преподавателем по органической химии и биосинтезу была Антонина Семеновна, человек, безупречно знающий предмет и живущая, по мнению коллег Антона, только для того, чтобы не упустить что-нибудь новое в химической науке. Выглядела она в свои сорок семь лет «по-старушечьи» элегантно, как они думали, всегда опрятная в одежде, хотя и слегка старомодна, всегда с пышной завивкой волос и с обязательно повязанным платочком на шее. Она была как-то излишне худовата, хотя это ее не портило, а придавало какую-то дополнительную строгость вида. Но была Антонина Семеновна действительно очень строга, вернее, эта строгость выражалась у нее в том, что она досконально знала свой предмет и того же требовала от своих учеников – студентов. Любимчиками у нее были только те, кто отлично успевал по химии и в их числе, конечно, милашка Лена Федотова.

Антон «долбил» эту химию целую неделю, да где уж там, выучить за неделю неорганику, органику и биосинтез, если три с половиной года «валял дурака». Это было не реально. И листая страницы учебников, Антон подсознательно это понимал и материал, конечно, ему в голову упорно не лез. Но экзамен не отменишь. Надо идти сдавать. Будь, как будет. Перед аудиторией, в которой Антонина Семеновна принимала экзамен, толпилось неожиданно много студентов, причем почти половина из них Антону была практически незнакома. Встретив Димку Круглова, Антон спросил:

– Что это здесь за Вавилонское столпотворение. Моя тезка что, решила принять экзамен сразу у всего универа?

– Примерно так,– пояснил Димка.– Антонина ввела нововведение, извини за каламбур. Принимает экзамены сразу у двух курсов, у нашего и того, что на год младше. Правда, у них химия профильная и они сдают не госы, а простую сессию.

– О как! И что это Антонине дает?

– Дает, что не спишешь ни фига! Столы в аудитории стоят торцами к двери и к ее столу. С одной стороны – один курс сидит, с другой стороны – другой курс, а Антонина сидит как падишах во главе сооружения из этих столов и видит и руки, и вообще всех сдающих и готовящихся сдавать, причем непрерывно. И даже спросить – не спросишь. Напротив тебя сидят студенты, как ты понимаешь, с другого потока. Я так вообще там никого не знаю. Короче, засада полная. У меня такое ощущение, что я пришел на допрос с пыткой и знаю, чем он закончится – я ничего не скажу. Причем, не потому, что я такой геройский парень, а потому, что по химии этой я не только ничего не помню, так я еще и ничего не знаю. А ты, Антоха, что-нибудь знаешь?

– Знаю, что Сократ однажды сказал: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

– Вот и я как Сократ. А что делать-то будем?

– Во-первых, надо осмотреться, а потом в бой и что будет – то и будет. В любом случае мы Антонине живыми не сдадимся,– пошутил Маврин.

– Тебе все шуточки, а ждать-то нечего. Раз ты такой в себе уверенный, заходи, как только кто-нибудь выйдет,– напутствовал Димка,– никто на экзамен идти не хочет, все доучивают. Пойдешь?

– Двум смертям не бывать,– бравировал Антон,– Пойду!

В этот момент из аудитории, где Антонина Семеновна проводила «экзекуцию» по химии сразу двух курсов, вышла Мира Орешкина. Ее глаза были на мокром месте. Все подскочили к ней с вопросами:

– Ну как?… Что получила?… Что спрашивает дополнительно?…

Мира опустив голову и, как бы проходя мимо, сообщила сквозь слезы:

– Я две недели з-зубрила…, а она мне «трояк». Сказала еще с б-большой натяжкой-й-й. А у меня по другим предметам даже четверок почти не- е- е-т!

– Ну – дела!– поднял глаза к потолку Димка Круглов,– Орешкиной – и … трояк! Это ж конец света! Я, по сравнению с ней, даже на ноль не знаю. Вот это экзамен придумали! Ну – дела!

– А что, Милка,– подскочил Дима к еще всхлипывающей Орешкиной,– списать-то, например, со шпоры, как-нибудь можно?

– Ты что, дурачок? Не понимаешь? Какой там списать? Она даже листки для ответа свои дает. Что знаешь, и то – забудешь, – ответила ему Орешкина, превозмогая подступающие рыдания.

Кто-то из однокурсников подтолкнул Антона в бок:

– Если собрался идти – то иди, сейчас наша очередь, или будем еще кого-нибудь искать!

– Да иду я, иду!– отпарировал Антон и с солдатской решимостью открыл дверь аудитории.

Круглов верно говорил. Перед ним торцами стояли три стола с одной стороны аудитории, с другой стороны к ним примыкали еще три стола. Преподавательский стол Антонины Семеновны стоял в дальнем торце этого сооружения. Получился почти правильный прямоугольник, во главе которого сидела экзаменатор, слева размещались две студентки с младшего курса, третье место было свободно. Их коллега сидел на стуле у стола Антонины Семеновны – готовился отвечать на вопросы билета. Антон обратил внимание, что одной из студенток младшего курса была Лена Федотова, а как раз напротив нее находилось освобожденное Орешкиной место. С двух сторон пустого стула сидели однокурсники Антона Наташа Кудрявцева и Макс Титов.

– А-а! К нам пожаловал сам господин Маврин! Рада! Рада видеть Вас, наконец, на своем предмете! Вы, ведь, видимо такой занятой человек и так редко удостаиваете своим посеще-

нием мои занятия. Я уже не смею говорить о моих лекциях,– назидательно – издевательски произнесла приветственную тираду Антонина Семеновна.

Все сочувственно подняли глаза на Антона, а Лена Федотова слегка прыснула смешком в кулачок.

«Ну все, попал я, «как кур во щи», – подумал Маврин,– сейчас она с меня за все спросит, за все отыграется и шкуру снимет».

– Так? Чего стоим? Чего ждем?– продолжала иронизировать химичка,– берем билет и готовимся. Но предупреждаю, замечу шпаргалку – «два», будете приставать с вопросами к сокурсникам – «два», попытаетесь списать – «два». А в остальном – все в ваших руках и в ваших знаниях. Вопросы простые. Химия – наука не сложная, так что, вперед!

Антон взял билет, даже не взглянув на вопросы, пошел на место.

– Стой!– остановила его преподаватель,– посмотри вопросы и скажи, сколько листов бумаги тебе дать для конспекта твоих ответов на них.

– Давайте сколько не жалко, – в унисон ее шутливому тону ответил Антон.

Антонина Семеновна усмехнулась, подумав видимо, что немного переусердствовала с сарказмом и уже серьезно взяла без счета несколько листов бумаги, передала их Антону и по-деловому сказала:

– Садитесь, готовьтесь. Времени у Вас будет достаточно.

«Это она намекает, что допросы пытаемых-отвечающих будут доскональными и до самого конца или знаний, или студентов». Он взгромоздился на стул, взглянул, напротив, на Лену, немного застенчиво ей улыбнулся. Она так же, как-то, по-доброму улыбнулась в ответ. Антон заметил проступивший на ее щеках легкий румянец смущения. Лена тут же уткнулась в свой конспект ответов, потом стала что-то записывать. Антон внимательно прочитал вопрос экзаменационного билета. Один раз, другой…, и понял, что все, что он в жизни учил по этой самой химии, не имеет никакого отношения к вопросам, задаваемым в билете. По написанным там трем вопросам, он никогда ничего не читал и даже не слышал большинство терминов, упоминаемых в этих вопросах. Маврин почесал затылок и снова посмотрел напротив. Лена Федотова, по всей видимости, уже была готова к ответу. Перед ней лежала исписанная аккуратным почерком стопка листов. «Вот зубрилка»,– подумал Антон. Он поднял глаза и столкнулся со смотрящими на него в упор глазами Лены. Тут Антону показалось, что он в них просто утонул, причем утонул один раз и навсегда. А она, глядя на Антона, слегка кивнула «Что, мол – ничего не знаешь?». Антон опустил взгляд и тоже слегка кивнул в ответ: «Типа – да!». Опять посмотрев на Лену, он увидел, что та взглядом показывает на его билет: «Мол, покажи вопросы». Антон, сделав вид, что он внимательно читает вопросы билета, перевернул билет и поднял на уровень глаз, чтобы Лена могла прочитать текст. Она быстро взглянула на вопросы экзаменационного билета Антона, слегка прищурилась и, поняв суть этих вопросов, кивнула Антону – «Все!» и стала быстро записывать их на свой листок. Затем она, также, не говоря ни слова, опять при помощи взглядов и намеков, попросила передать ей чистые листы, а Антон, улучив буквально несколько секунд, когда Антонина отвернулась посмотреть на таблицу Менделеева, резко и быстро передвинул несколько чистых листов бумаги на Ленин стол, точнее на ее половину сооружения из столов. Дальше Лена что-то быстро писала на бумаге Антона, а он в это время делал глубокомысленный вид, якобы составляя конспект своего ответа. Причем, несколько раз ловил на себе любопытный взгляд преподавательницы. Ответы экзаменуемых студентов были, действительно, очень длительными. Антонина Семеновна методично вникала в их смысл, задавала дополнительные вопросы. Антон заметил, что следуя своим принципам, она задает дополнительные вопросы только по теме билета. Еще он понял, что мозг человека в экстремальных обстоятельствах имеет свойство вытаскивать из глубин сознания информацию, которую он когда-то, пусть даже давно, получал. Так и Антон, глядя на вопросы билета, стал отрывочно вспоминать некоторый материал по темам вопросов билета, с которым он сталки-

вался в процессе учебы. К этому времени уже ответил и получил «трояк» парень из Лениной группы. Сейчас отвечала однокурсница Антона – Наташа Кудрявцева. Она бойко отбарабанила первый вопрос, правильно ответила на дополнительный, перешла ко второму вопросу. Тут она слегка забуксовала, запуталась, но все-таки уверенно продвигалась к оценке «хорошо». Лена снова кивнула Антону, показала, что ей отвечать следующей. Так же, как ранее Антон, она улучила удобный момент и передвинула листы бумаги на сторону Антона. Он с благодарностью посмотрел на нее, а она в ответ доброжелательно улыбнулась и начала внимательно вчитываясь, перебирать конспект ответов на вопросы своего билета – последние приготовления к бою с химичкой. Минут через двадцать – двадцать пять Кудрявцева удалилась, получив свою желанную «четверку». Вместо нее залетел Димка Круглов. Он подвергся со стороны Антонины примерно такой же обструкции, как и Антон. В результате, Круглов получил билет и сел на место Кудрявцевой с красными щеками и ушами – такова его реакция на сарказм Антонины Семеновны. Димка, по своему уровню знания химии, был примерно сравним с Мавриным и по его блуждающему взгляду, было видно, что он так же, как и Антон впервые столкнулся с вопросами, на которые ему требовалось отвечать на экзамене. Между тем, Лена Федотова пересела на место отвечающего и бойко защебетала, легко оперируя научными выкладками и терминами. Антонина Семеновна, по ходу ответа Лены, все больше расплывалась в благоговейной улыбке, глядя на свою любимицу и одну из лучших студенток курса. Почти все ее внимание, в это время, было сосредоточено на Лене Федотовой, она с наслаждением слушала ее ответы на вопросы билета. В это же время в голове Антона шла бешеная работа мозга. Он решил схитрить и, учитывая уйму времени на подготовку к ответу, постарался заучить наизусть формулы, написанные Леной по его вопросам и, вникнув с суть ответов на эти вопросы, попробовать отвечать без конспекта ответов, как говорится, произнести речь без бумажки. Поняв также, что Антонина будет задавать дополнительные вопросы исключительно по теме билетного вопроса, Маврин решил обмануть ее. Он выделил в каждом вопросе или определенный важный раздел, но не определяющий, не главный, но «броский» или вспомнил любимый «конек» Антонины по данному вопросу. У каждого преподавателя всегда есть любимая тема – это или доказательство из его кандидатской диссертации, или отрывок из научной статьи, которую он писал. Обычно – это маленькая частичка в преподаваемом предмете, но она ему так дорога, так любима. По двум вопросам билета Антон вспомнил такие «частички», любимые Антониной Семеновной и оставил их как провокацию дополнительного вопроса. По третьему вопросу, он также решил не затрагивать в ответе один яркий, обращающий на себя внимание раздел, но не главный, а тот, который даже если его опустить в ответе, особенно не повлияет на оценку за ответ в целом. Далее Антон взял чистый лист бумаги и уже по памяти набросал тезисы ответов по каждому вопросу билета, не забыв пометить ответы на возможно спровоцированные им дополнительные вопросы. Он еще раз все прокрутил в уме, на память повторил заученные формулы. Все готов! Делай, как можешь, а будет, как получится. Рядом сидел Димка Круглов. Он силился хоть что-нибудь вспомнить по вопросам своего билета. Ерзал, кряхтел, как клоун взъерошил волосы на голове, но было видно, что это все ему не сильно помогает. Лена же отчеканивала свой ответ как заправский ритор. Четко, лаконично, с выраженной интонацией выделяя главный смысл темы. Видно было, что Антонина Семеновна нашла в лице Федотовой идеал отвечающего экзамен студента. Создавалось впечатление, что она даже не слушает смысл ответа Лены, а просто наслаждается ее речью. Димка толкнул локтем Антона:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.